

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Загадочную
историю
танцовщицы
расскажет ее
сокровище...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Гребень Маты Хари

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Гребень Маты Хари

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Гребень Маты Хари / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-100553-5

Чтобы не ночевать на улице, сбежавшая от гражданского мужа Маша Хорькова берет у подруги ключи от пустующей квартиры ее родственницы. Но вместо ожидаемого уюта и спокойствия ее встречает кошмар – девушка обнаруживает в шкафу труп неизвестного, а в его бумажнике – фотографию, на которой запечатлен этот мужчина и... она сама! Переместившись ночевать в сомнительный отель, Маша ввязывается в криминальную историю, переплетенную с судьбой известной экзотической танцовщицы Маты Хари. По легенде, ей принадлежал гребень, обладающий таинственной силой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100553-5

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Николаевна Александрова

Гребень Маты Хари

© Everett Historical, Africa Studio, mikolajn, Svetlana Foote, Cara-Foto,
Heather Wenzel / Shutterstock.com

© Александрова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

«Ну и где в этом гадюшнике могут быть швабра и хоть какое-то ведро? – задала я вопрос самой себе. – Ну невозможно же дышать такой пылью! И запах жуткий!»

В квартире и правда был ужасный свинюшник, как будто год не убирали. Инкина родственница большая неряха, какой нормальный человек снимет квартиру в таком состоянии? Впрочем, мне нет до этого никакого дела, я переночую, да и пойду отсюда, вот только пыль обмету немножко, все равно делать нечего.

Квартирка крошечная, однокомнатная. В кухне на плите одна закопченная кастрюля и сгоревший электрический чайник, в ванной – если можно так назвать собачью будку с унитазом и поддоном для душа в пятнах ржавчины – просто нет места для шкафчика. И вот в прихожей я увидела стенной шкаф, дверцы которого были заперты на допотопную латунную задвижку.

Я с трудом ее открыла и едва успела отскочить, потому что на меня вывалилось что-то большое и тяжелое. Этот тюк рухнул на пол с грохотом, едва не погребя меня под собой. Не знаю, каким чудом я успела вывернуться из-под этого обвала, но не удержалась на ногах и тоже свалилась на грязный линолеум, да еще больно ударилась носом о старую табуретку, которую неизвестно зачем выставили в прихожую, может, хотели выбросить, да позабыли.

Сначала из глаз буквально посыпались искры, потом потекли слезы от боли. Вот ко всем моим бедам не хватало еще распухшего носа, как я завтра на работу пойду?

Лежать на заплеванном полу было противно, так что я приподнялась на локтях и повернула голову. И увидела то, что выпало из шкафа прямо на меня.

Это была голова. Несомненно, мужская голова – затылок коротко стриженный, а на макушке волосы оставлены подлиннее. И еще я видела плохо выбритую щеку и один глаз. Глаз был совершенно неподвижный, широко раскрытый. И он не моргал.

Я подумала, что ударилась головой и теперь у меня глюки. Откуда в противном случае тут взялась мертвая голова? Что голова мертвая, я поняла сразу, у живой не могло быть такого глаза.

Я снова опустилась на пол и закрыла глаза. Не помогло, проклятая голова стояла перед глазами. Ну, точно, глюки!

Очень осторожно я ощупала свою собственную голову и не нашла никаких повреждений. Даже малюсенькой шишки не было. И голова не кружилась, вообще ничего не болело. Кроме, конечно, души от обиды на Игорешу. Даже злость прошла.

Я села, подобрав по себя ноги, и только тогда открыла глаза. И увидела, что рядом со мной лежит не только мертвая голова. Голова эта была приделана к телу. То, что казалось мне тюком, оказалось мертвым человеком. Не куклой, не манекеном, а именно человеком. Мужчиной. И не спрашивайте, как я это поняла.

Очевидно, с головой у меня все же был не порядок, потому что вместо того, чтобы заорать и забиться в истерику, на меня напал нервный смех. Ну надо же, какой замечательный конец дня!

И ведь с утра, как говорится, ничто не предвещало такого безобразия. Все было как обычно, я встала пораньше (как всегда, чтобы успеть занять ванную до того, как Игореша продерет глаза), успела принять душ и привести себя в порядок и вышла только тогда, когда он постучал в дверь третий раз.

У нас на двери ванной уже вмятина, оттого что каждое утро он колотит в нее руками и ногами, да еще и ругается. В этот раз, правда, обошлось без ругани, я еще порадовалась, что он не шумит. Нет бы задуматься, с чего это он такой тихий.

Оказалось, мой благоверный копил силы на вечер. И устроил такое, отчего я оказалась без вещей, без денег и без ночлега, потому что ночевать в этом гадюшнике в обнимку с трупом уж никак не получится.

И что вообще происходит? Инка дала мне ключи от квартиры своей не то двоюродной тетки, не то троюродной сестры, я не уточняла. Сказала, что та квартиру сдает, но сейчас она как раз свободна, так что я могу одну ночь перекантоваться там. Условия, мол, так себе, но в моем положении выбрать не приходится. Это уже я сама добавила.

И вот я пришла сюда, и что нашла?

Рука сама нашарила мобильник в кармане пальто и нажала нужную кнопку. Однако Инка не отвечала, вместо нее равнодушный голос сообщил, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Ну да, Инка же улетела в Турцию, я тогда не спросила, что ей там делать в ноябре, она сама сказала, что какой-то там семинар. В ноябре, мол, не сезон, так что подешевле выйдет, вот начальство и решило в каком-то приличном отеле семинар провести. Так что Инка сейчас в полете и ничем мне не поможет. Да и что я ей скажу? Что у ее тетки в шкафу труп? Она не поверит.

Тут я осознала, что сижу на полу рядом с неизвестным покойником, и ужаснулась. Вот что я тут делаю? Нужно немедленно бежать из этой квартиры. Бежать как можно скорее! Тихо-тихо собраться и бежать. И сделать вид, что меня тут не было. Никогда. Инка не продаст, сама потом пускай со своими родственниками разбирается. А хотя она тоже сделает вид, что ничего не знает. И правильно.

Я отползла подальше, встала наконец на ноги и поглядела на покойника. Сверху вид был еще хуже, но я взяла себя в руки. Так, похоже, выйти просто так у меня не получится, потому что прихожая в этой квартире крошечная, как и все остальное, так что этот тип полностью перегородил дорогу к входной двери.

Допустим, я его перепрыгну, я девушка стройная и спортивная, мы с Инкой раньше на фитнес ходили, но вот дверь-то открыть не смогу. Как ни противно, но нужно его подвинуть.

Странное дело, осознала я, при виде трупа я не упала в обморок, не стала орать и кататься по полу, кричать: «Помогите, спасите!» Кто тут поможет-то в незнакомом доме, меня никто не знает. И слава богу.

Итак, я подошла к покойнику и встала рядом, прикидывая, куда бы его отпихнуть.

Если в ту сторону, то тогда он перекроет дорогу к двери в комнату, а у меня там сумка. Если же в другую, то это ничего не даст, дверь все равно не откроется. Да, было бы лучше всего убрать его обратно в шкаф.

Я подошла поближе. Мужчина был весьма плотного телосложения и росту немаленького. Да, похоже, мне с ним не справиться. Чтобы такое тело в шкаф запихнуть, лебедка понадобится или мужик здоровый. И то вряд ли он в одиночку справится. Нужно же ведь руки-ноги подогнуть аккуратно, чтобы не торчали, иначе дверца шкафа не закроется.

Я поймала себя на мысли, что рассуждаю совершенно спокойно, деловито даже, о том, как переместить труп. Стало быть, привыкла уже к этой мысли. Что ж, человек, как известно, привыкает ко всему. Но все же надо на что-то решаться. Если за ноги перетащить его немного в сторону, а потом взять за плечи и впихнуть его голову в кухню, то входную дверь можно будет приоткрыть немного. Я девушка стройная, уже говорила об этом, так что просочусь в щелочку, только пальто нужно снять и сумку в него завернуть.

Если я принимаюсь за какое-нибудь дело, то всегда заранее составляю подробный план, такая у меня фишка. Игорешу, кстати, эта моя черта очень раздражает. Но пока лучше про Игорешу не вспоминать.

Итак, я схватила тело за левую ногу в одном носке (ботинок остался в стенном шкафу) и попыталась повернуть.

И в это самое время за дверью послышались тяжелые шаги, а потом задребезжал дверной звонок.

Я застыла на полушаге, сердце мое провалилось куда-то за подкладку и колотилось там, как подстреленная птица. Я едва не закричала от ужаса, но не издала ни звука, потому что от того же ужаса у меня перехватило дыхание и я попросту лишилась голоса.

А в следующую долю секунды я поняла, что кричать нельзя, никак нельзя, вообще нельзя, чтобы те, за дверью, кто бы они ни были, поняли, что в квартире кто-то есть. И шевелиться нельзя, чтобы они не слышали никаких звуков, а они непременно услышат, поскольку я, как дура, стою возле самой двери, да еще держу на весу левую ногу покойника в одном носке с дыркой на пятке!

Я застыла, затаив дыхание, и надеялась только на одно – на то, что те, за дверью, развернутся и уйдут.

Ну, в конце концов, что им нужно, зачем они звонят? Может быть, это просто соседка, которая пришла, чтобы занять соли или сахара. Она поймет, что дома никого нет, и уйдет восвояси...

Но я знала, что это не соседка. Потому что за дверью были как минимум двое, и, судя по тяжелым шагам, это были мужчины. А мужчины не ходят к соседям занимать соль или сахар. И уж во всяком случае, не ходят толпой.

Все эти мысли пронеслись в моей голове меньше чем за секунду. А потом всякие вопросы отпали, потому что из-за двери донесся громкий повелительный голос:

– Откройте, полиция! – Да еще жажнул кто-то в дверь кулаком, совсем как Игореша по утрам колотит в дверь ванной.

Вот теперь уже все.

Мне пришел конец.

Сейчас полицейские войдут, найдут труп этого человека и тут же арестуют меня. И я никакими силами не смогу оправдаться: кроме меня и трупа, в квартире никого нет, так что у них не будет никаких сомнений, что это я убила этого человека...

– Откройте, полиция! – повторил голос за дверью. Теперь в этом голосе звучало раздражение. Еще немного – и он начнет колотить в дверь ногами, а потом вышибет ее... Дверь-то самая обычная, не железная даже. Выбить ее ничего не стоит.

– Серега, это точно тут? – прозвучал там же, за дверью, другой голос, не такой уверенный.

– Семнадцатая же квартира, – ответил первый. – Нам же сказали, что семнадцатая.

– Так тихо же там совсем.

– Это, может, они нас услышали и затихарились.

Точно, я давно уже перестала даже дышать.

Тут за дверью что-то скрипнуло, хлопнуло, и послышался третий голос, на этот раз женский:

– Мальчики, вы насчет чего звоните?

– Сигнал был, женщина, – отозвался один из полицейских. – Насчет нарушения порядка. Соседи звонили. Это не вы, случайно?

– Случайно не я. – В голосе женщины прозвучало сожаление. – А только вы не туда звоните. В этой квартире нет никого, Нина ее сдает, но сейчас старый жилец съехал, а нового пока не нашли. А если вы по поводу дебоша, так это вам не сюда, это вам в двадцать вторую квартиру, выше этажом. Туда, где Колька Синетуттов. Это у него вечно пьянки-гулянки, и грохот, и нарушения общественного порядка. Совсем, паразит, распоясался, а слово ему сказать все боятся. Слышите, вот опять?

Действительно, наверху что-то с грохотом упало, и донесся приглушенный крик, а потом грянула музыка.

– А нам сказали, что семнадцатая, – проговорил упорный полицейский. – И как ваша фамилия, женщина?

– Фамилия моя Петухова Мария Петровна, а только вы зря тут время теряете. Я вам точно говорю – вам в двадцать вторую нужно!

– Наверное, номер перепутали, – подал голос второй. – Пошли наверх, Серега, а то как бы поздно не было...

Крик наверху перешел в тонкий визг, а музыка как раз стихла.

Шаги за дверью удалились.

Я с трудом перевела дыхание, очень осторожно положила ногу покойника обратно и сползла по стене на пол – собственные ноги меня не держали.

Но тут же я осознала, что нельзя терять время, нужно скорее уходить отсюда, из этой злополучной квартиры...

Но как уйти? Еще столкнешься с полицейскими...

Наверху в это время женский проникновенный голос пел о том, как он (в смысле она) одолжила своего любовника близкой подруге непонятно зачем. Очевидно, обитатели верхней квартиры заслушались и не спешили открывать полиции, хоть те и стучали в дверь.

С большим трудом, поскольку ноги отказывались служить, я встала и выглянула в дверной глазок.

Лестничная площадка была искривлена и вытянута, как в кривом зеркале, но даже так было видно, что одна из соседних дверей приоткрыта и из-за нее выглядывает тетка в ярко-розовом халате.

Ну да, это та соседка, которая разговаривала с полицейскими. Теперь она следит за развитием событий, и мимо нее не проскользнешь... граница на замке!

Тетка глазастая, меня запомнит обязательно.

Значит, нужно переждать какое-то время, пока все не успокоится. Не будет же эта Петухова весь вечер торчать возле двери... есть же у нее какие-то дела! Хотя, может, у нее такое вечернее развлечение – вместо телевизора за соседями подсматривать. Больше-то никаких радостей, судя по всему, тетка одинокая, даже собачки нет. Это и к лучшему, собака бы меня обязательно учуяла. Я снова опустилась на пол и отползла от двери как можно дальше. Очень далеко не получилось – труп мешал.

Да, вот как все получилось. Еще утром я была нормальным человеком, была у меня работа, Игореша и какое-то жилье, а теперь я сижу в этом сарае на грязном полу рядом с трупом и жду, что меня заберут в полицию. А все из-за подлеца Игореша. Вот с чего ему вздумалось скандалить?

То есть в последнее время он вообще здорово распустился. Домой приходил поздно, по хозяйству совершенно перестал помогать, ну, этого и раньше от него добиться было невозможно. Ну что неряха он жуткий – так это я и раньше видела, когда решили мы жить вместе, я знала, на что шла. Но тут уж беспорядок и грязь, создаваемые им, стали меня серьезно напрягать. К тому же хамство моего гражданского мужа переходило иногда все мыслимые пределы. А я, хоть и серьезно относилась к нашим отношениям, все же такое хамство терпеть была не намерена. Пару раз мы здорово поругались. После чего я стала задумываться о будущем.

Дело в том, что у Игореша масса недостатков, но одно неоспоримое достоинство: у него есть своя собственная квартира. Не бог весть что, но он единственный владелец. Чего не скажешь обо мне.

Вот интересно, я родилась в Петербурге, всю жизнь тут прожила, а сейчас натуральный бомж. То есть по документам-то все нормально, но вот жить уже года три совершенно негде. Поэтому, когда мы стали встречаться с Игорешей, я многое ему прощала. А потом все устака-

нилось, он вообще-то был парень невредный и ко мне относился неплохо. Но вот последние несколько месяцев парня просто как подменили. Он скандалил по поводу и без повода, ругал приготовленную мной еду, нарочно плевался пастой на зеркало в ванной и пачкал кухонные полотенца томатным соусом. И вот, когда он обнаглел настолько, что плюнул в тарелку с чуть-чуть подгоревшей запеканкой, а потом бросил эту тарелку на пол, после чего обругал меня матом, я решилась.

День был выходной, Игореша ушел из дома, хотя до этого мы собиралась пойти куда-то вместе, уже не помню, в кино или по магазинам, я же выбросила остатки запеканки вместе с осколками тарелки в мусор, отправила туда же сковородку, чтобы не мыть, и собрала свои вещи. А до этого позвонила Инке, изложила ситуацию и попросилась к ней ночевать. Перекантуюсь пару ночей, а потом сниму какую-нибудь квартиру. Чем так-то жить.

Пришлось ждать Игорешу, чтобы оставить ему ключи, потому что этот урод свои забыл дома, он вечно их забывает, пару раз я даже привозила их ему на работу.

И вы можете мне не поверить, но вечером Игореша пришел с цветами. Он был очень убедителен, просил у меня прощения за все свои гадости, сказал, что у него большие неприятности на работе, оттого он такой нервный. Увидел чемоданы и еще больше расстроился, сказал, что никуда меня не отпустит.

В общем, мы помирились. О чем я сейчас и жалею. Нужно было уйти сразу, а ключи отдать соседке или вообще выбросить, тогда сейчас не сидела бы я на грязном холодном полу рядом с покойником... ну да, про это я уже говорила.

С лестницы донеслись шаги и голоса. Один голос – хриплый, нетрезвый – был громче остальных, через слово он перемежался замысловатым матом. Другие голоса – раздраженные, усталые – принадлежали полицейским. Видно, они нашли-таки дебошира, как там сказала соседка... Синетутова Кольку, и теперь тащили его в свою машину. Послышался звук удара, пьяный голос обиженно взмыл на октаву выше и замолк, захлебнулся. Внизу хлопнула дверь подъезда, и наступила тишина, потому что песня про отданного взаймы любовника прекратилась еще раньше.

Я очнулась от несвоевременных и безрадостных воспоминаний и увидела, что дверь соседки закрыта, очевидно, она не ждала больше ничего интересного.

Скорее уходить отсюда. Уходить, пока все затихло. Уходить, пока не появился еще кто-нибудь.

Я прокралась к двери, бросила испуганный взгляд на тело неизвестного...

И увидела на полу рядом с ним бумажник. Обычный мужской бумажник из потертой коричневой кожи. Видимо, он выпал из кармана, когда я передвигала труп.

И тут я вспомнила, что у меня нет денег. Ни копейки наличных, и карточки заблокированы... Нет, все-таки какой Игореша подлец!

Бумажник на полу буквально притягивал мой взгляд.

Взять деньги у мертвеца... совсем немного, только чтобы перекантоваться первое время... они ему все равно уже не нужны, а меня могут спасти...

Но это ужасно, это мародерство...

А что мне остается делать? Куда деваться без копейки? Я возьму совсем немного и потом все верну...

Кому и как я верну деньги – я не задумывалась, точнее, старалась не думать, отгораживалась от этой мысли.

Я решилась. Опустилась на колени, двумя пальцами взяла бумажник, как мертвую лягушку, открыла его.

Обычный мужской бумажник, с обычным содержимым.

Две банковские карточки – от них никакого проку без секретных кодов, немного наличности, водительские права...

Я взглянула на эти права.

Покойника звали Павел Алексеевич Мамонов.

Вот и познакомились. И что с того? Как говорится, ни уму ни сердцу.

И тут из бумажника выпала мне в руку фотография. Небольшая любительская фотография. На ней были двое – мужчина и женщина. Эти двое сидели рядом, полуобнявшись и улыбаясь друг другу. В мужчине на снимке я узнала Павла Мамонова, того самого человека, чей труп лежал рядом со мной на сером замызганном линолеуме. Узнала скорее по фотографии на правах, чем по собственному его лицу, потому что лицо было почти до неузнаваемости изменено смертью.

А женщина...

Дыхание у меня перехватило.

Женщина на фотографии... это была я.

Не может быть!

От страха и удивления я выронила фотографию, но тут же подняла ее, взглянула еще раз... Закрыла глаза, плотно сжав веки, помотала головой, потом снова взглянула на фотографию.

Никаких сомнений.

Это я с улыбкой смотрела на Мамонова, а его рука лежала на моем плече...

Но этого не может быть! Не может, не может, не может! Я никогда, никогда не встречала этого человека, никогда прежде не видела его, никогда не слышала его имени...

Я еще раз внимательно взгляделась в фотографию.

Никаких сомнений – это была я.

Мало того, что я узнала свое лицо, лицо, которое каждый день, и не по одному разу, видела в зеркале, но я узнала прическу и даже свитер. Этот свитер я купила примерно год назад. Голубой с жемчужно-серым отливом цвет шел к моим глазам. Я вообще-то блондинка, но сейчас ношу другой цвет, средне-русый.

Но как такое возможно?

И тут до меня дошла еще одна ужасная вещь.

Найдя эту фотографию рядом с трупом, полицейские убедились бы, что я знакома с покойным. С убитым. И если бы они застали меня в этой квартире – без сомнения, я стала бы первой в их списке подозреваемых. А скорее всего, первой и единственной. Ну что тут думать-то, ясное дело: пришли в квартиру двое любовников, повздорили, поругались, в процессе я его и угробила. Может, приревновала, может, так просто, никто разбираться не станет.

Я с ужасом смотрела то на труп, то на фотографию. Откуда она могла появиться в бумажнике у этого типа? Я готова поклясться чем угодно, что никогда в жизни его не видела! И имени его не слышала никогда! Но кто мне поверит, если вот она, карточка, а на ней мы вдвоем...

Я посидела немного рядом, схватив себя за волосы и раскачиваясь, пока до меня не дошло, что я бездарно трачу драгоценное время, что мне нужно как можно скорее уходить отсюда, да что – уходить, нужно бежать, бежать...

Я сунула фотографию в сумку, чтобы потом уничтожить ее, поднялась, шагнула к двери...

И спохватилась, что оставила кучу своих следов в этой квартире. Нет, так дело не пойдет, кругом тут мои отпечатки. Я девушка грамотная, детективы читаю и смотрю, поэтому я встала посреди прихожей и задумалась. Так, я была в комнате, потом в ванной, на кухню только заглянула. Значит: обтереть все ручки, подлокотники дивана, спинку стула, кран в ванной. И еще: я валялась в прихожей на полу возле трупа. Да, еще задвижка стенного шкафа.

Я уже говорила, что, прежде чем приступить к какому-нибудь делу, я всегда составляю четкий, подробный план. Это помогает. По крайней мере, иногда.

Сейчас я достала из сумки пачку влажных салфеток и тщательно протерла все ручки и пол в том месте, где опиралась на него руками. Надо думать, когда найдут труп, эксперты не станут собирать каждую шерстинку и отдавать каждую волосинку на анализ ДНК.

Будем смотреть на вещи реально, у них ни денег на это нет, ни времени, ни особого желания.

В комнате был еще допотопный не то сервант, не то буфет. Я надела перчатки и открыла ящики. Не то чтобы мне очень хотелось это делать, но теперь, после того, как нашла у незнакомого покойника свою фотографию, я решила не пускать все на самотек.

Ящики были пустые и пыльные, пахли соответственно, сразу зачесалось в носу. И в самом нижнем я нашла подсвечник. Старый бронзовый подсвечник для двух свечей. Я осторожно взяла его в руки, опять-таки в перчатках.

Меня насторожил тот факт, что в ящике было полно пыли, а на подсвечнике ее не было. Стало быть, им недавно пользовались. Несколько лапок, которые поддерживали свечу, были погнуты, а под ними... ну, так и есть, я увидела несколько засохших красных пятнышек. Ну, теперь ясно, как использовали подсвечник, именно им шваркнули по голове того типа, что лежит в прихожей.

Надо сказать, после того, как я нашла в его бумажнике свою фотографию, я его просто возненавидела. Какое право он имел вмешивать меня в свои криминальные дела!

Возможно, я к нему несправедлива, но в таких делах каждый за себя. Я его не убивала и расплачиваться за это не собираюсь.

Подсвечник я тщательно вымыла горячей водой. И даже обмылок какой-то нашелся в раковине. Не спрашивайте, зачем я это сделала, просто по наитию. Я подумала, что тот, кто убил этого Мамонова, наверняка не дурак, а только дураки оставляют орудие убийства в квартире. Значит, его оставили нарочно. Ну, я его вымою, так, на всякий случай, чтобы не было ничьих отпечатков.

Ну все, вот теперь точно пора уходить.

На прощание я осмотрела свою одежду на предмет посторонних пятен. Была кое-какая грязь, но ничего криминального. Вообще, удивительно мало было крови, хотя теперь я разглядела рану на затылке трупа. Возможно, вся кровь осталась в стенном шкафу.

Проверять я не стала, осторожно открыла дверь и вышла, просто захлопнув замок. И пошла, ступая как можно тише, никого не встретив на лестнице.

Прошагав несколько кварталов, чтобы как можно дальше уйти от проклятого дома, я замедлила шаг и посмотрела на часы. Ого, первый час ночи. Надо же, как время-то быстро прошло...

Вроде бы Игореша явился домой в половине восьмого, я еще удивилась, что так рано, пока мы ругались, пока я в себя приходила, когда он меня выгнал, пока я Инке звонила, пока до дома ее тетки добиралась, да там еще сколько всего произошло...

Так или иначе, болтаться ночью одной в этом криминальном районе весьма опасно. Но что делать? На вокзал, что ли, ехать? Так заметут еще как бомжиху в отделение.

Вдруг взгляд мой зацепился за слово «ОТЕЛЬ». Вот именно, в проходе между домами виднелся угол еще одного дома, и на нем мерцала неярким светом вывеска «ОТЕЛЬ». Просто отель, без названия, причем располагался он на первом этаже обычного жилого дома.

Я оглянулась по сторонам. Изредка проезжали машины, прохожих не было никого, только далеко сзади брели двое пьяных мужичков. Это решило дело, я свернула в проход между домами и через минуту уже звонила в довольно-таки обшарпанную железную дверь, на которой не было ни окошка, ни какой-либо надписи.

На звонок никто не ответил, тогда я стукнула в дверь кулаком, потому что двое пьяниц свернули как раз в этот проход и неуклонно приближались.

Уж не настолько они пьяные, чтобы просто так пройти мимо одинокой женщины ночью... Страх придал мне силы, и я бухнула в дверь ногой. Дверь открылась, и я проскользнула внутрь, как раз когда один из пьяниц изумленно-радостно ахнул:

– Гляди, Вить, баба!

Я оказалась в небольшом холле, точнее, холлом это место никак нельзя было назвать, скорее, обычная прихожая. Никаких стульев или вешалки, только напротив двери старый письменный стол, за которым сидел здоровенный немолодой мужик в шерстяной клетчатой рубашке навывпуск и вытянутых трикотажных штанах.

Мужик был небритый, пегие от седины волосы давно надо было бы подстричь. Мужик смотрел на меня маленькими злыми глазками из-под нависших бровей и молчал. Очень он мне не понравился, однако перспектива неминуемого общения с двумя пьяницами нравилась мне еще меньше, так что я собрала волю в кулак и подошла ближе. За спиной у мужика на стене была прикреплена фанерная доска, на которой висели ключи под номерами. Стало быть, все-таки отель.

– Здравствуйте! – Я постаралась, чтобы голос не звучал жалко и беспомощно.

– И чего тебе? – буркнул мужик.

– Комнату на ночь.

– Нету, – лаконично ответил он.

– Как это нету? У вас ведь отель, так, во всяком случае, вывеска говорит. – Я мотнула головой в сторону улицы, откуда как раз доносилось немзыкальное пение двух пьянчужек. Судя по всему, они расположились на ступеньках в ожидании меня.

– Свободных номеров нету! – прохрипел мужик.

– Ага, назад-то глянь! – Я решила не церемониться с этим типом. В самом деле, на доске полно было ключей, видно, отель не пользовался большим спросом.

– Слушайте, – я решила сменить тактику, – мне по барабану, что тут у вас за дела...

– Обычные, – усмехнулся мужик, – ничего такого особенного.

– Мне по фигу, – повторила я, – я переночую и уйду утром. Ну, некуда мне деваться среди ночи, а деньги есть! – Я показала ему краешек тысячной купюры.

Тут открылась дверь и в прихожую вкатилась парочка. Разбитная такая девица в синей кожаной курточке буквально несла на себе мужчину. Мужчина висел на ней, вяло перебирая ногами, и сопел. Судя по всему, он был мертвецки пьян.

– Привет, дядь Миша! – пропыхтела девица, едва не свалив своего кавалера на пол. – Мне шестой номер дай!

– Угу, там кровать пошире! – ухмыльнулся тип за столом, которого никак не хотелось называть французским словом «портье».

Девица скривила накрашенный малиновой помадой и без того большой, как у лягушки, рот, хотела взять ключ, но промахнулась, потому что ее спутник угрожающе закачался и собрался уже с грохотом приземлиться, однако схватился за письменный стол, отчего тот угрожающе зашатался. Ключ упал на пол, девица чертыхнулась, тогда я нагнулась и подняла ключ.

Девица взяла ключ, растянув губы в улыбке, от этого рот стал казаться еще больше. Да, улыбаться ей точно нельзя, очень на лягушку похожа. И глаза чуть выпучены.

– Гляди, Алиска, – сказал портье, – чтобы все путем было, мне неприятности не нужны.

– Не бойсь, дядь Миша, – бросила она, разворачивая своего спутника по дуге, – прорвемся!

Ноги у мужчины подгибались, так что она тащила его почти волоком. Надо же так напиться, а с виду небедный человек, стрижка сделана явно в приличном салоне, и пальто

дорогущее, серое в елочку. Что он в этой Алиске нашел, ему по статусу такая шалава не положена. То есть так-то она, может, и ничего, но мужчина-то уж больно одет хорошо.

Впрочем, черт их разберет, мужиков этих, что им нужно... Нажрался в хлам и себя не помнит, эх, недосчитается утром денежек в карманах, это точно.

Очевидно, портье посетили те же мысли, поэтому он решил отыграться на мне.

– Иди отсюда! – сказал он.

– Не пойду! – Я слышала, что за дверью гомонят те двое пьяниц. – Если выгонишь – орать начну, уроды эти не отвяжутся, жильцы с верхнего этажа проснутся, кто-то полицию вызовет, тебе это надо? Небось и так уже жалобы были.

Я попала по больному месту, портье нахмурился, затем вышел за дверь и рывкнул на двух пьяниц, чтобы срочно валили по точно обозначенному адресу. Его слова подействовали, неизвестно, попали ли они по тому адресу, куда их посылали, но оба бодро потрусили прочь, причем в разные стороны.

– Ладно, – сказал портье, вернувшись и подавая мне ключ, – иди уж. Только до утра. И чтобы все тихо было.

Комната была без номера, но находилась рядом с дверью под номером шесть. Уж не знаю, какой ширины кровать в шестом, но у меня была просто узкая больничная койка, доисторическая прикроватная тумбочка, выдавший виды стол, весь в разводах от пива и других спиртных напитков, а также стул с продранной обивкой. И за такое этот дядя Миша взял с меня тысячу рублей!

Тут я вспомнила, что деньги не мои, и решила не расстраиваться попусту.

Белье на кровати было серое, застиранное, но, кажется, чистое. Я быстро разделась и легла, приставив на всякий случай к двери стул. Из соседнего номера слышалась какая-то возня, потом все стихло. А я все ворочалась и никак могла понять, как я дошла до такой жизни. Хотя, казалось бы, с сегодняшнего вечера столько всего случилось, что пора бы уж и привыкнуть.

Однако с чего все началось? То есть началось-то уже давно, я говорила, что в последние недели Игореша стал просто невозможен. Потом, правда, стал лучше, когда я пригрозила уйти (и зря этого не сделала), но вчера вечером...

Он явился в половине восьмого, я не ждала его так рано и не успела приготовить ужин. Пришлось в спешке варить пельмени, ну, в конце концов, я тоже работаю, так что может изредка и пельменей поесть. Но до ужина дело не дошло, потому что прямо с порога Игореша начал хулиганить.

Для начала он споткнулся о галошницу и уронил ее на пол. Когда я прибежала из кухни на шум, он метнул в меня мой собственный сапог и обругал матом.

– Ты пьян, что ли? – поморщилась я.

И правда, от него здорово пахло спиртным. Ну, обреченно подумала я, опять начинается. Но на этот раз я не поддамся на уговоры, нужно от этого хама уходить. Окончательно и бесповоротно.

Я вернулась на кухню и выключила пельмени, хотя они еще и не закипели, после чего сняла фартук и направилась в комнату, чтобы собрать вещи.

Не тут-то было, этот урод, которого я считала почти мужем, поскольку мы прожили с ним больше двух лет, а это о чем-то говорит... так вот, Игореша рванул за мной и стал орать, обзывая такими словами, из которых самым приличным было «шлюха». Ну уж это он зря, я точно не такая. И он это прекрасно знал, за все время знакомства я ни разу не давала ему никакого повода.

Не то чтобы я так уж была страстно влюблена в Игорешу, что не смотрела на других мужчин, просто меня так воспитали. Если живешь с одним, то не крути с другим, а если уж

кто-то так сильно понравился, то сначала уйди от этого, первого, а потом уж... Тем более что мы с Игорешей вовсе не женаты и детей заводить не собирались.

Короче, я разозлилась и обозвала Игорешу козлом и придурком, поскольку он несет чушь. Когда это я ему изменяла, интересно знать. И этот... не подобрать для него приличного слова... еще смеет такое говорить!

И что вы думаете? Он тут же на голубом глазу обвинил меня в связи с моим начальником Мирославом.

В первый момент я просто разинула рот. Мирослав – парень хороший, фирмочка у нас маленькая, все на виду, и наши тетki сразу бы что-то заметили, если бы он крутил с сотрудниками. Но даже они никогда не смотрели на меня косо. Потому что не за что. Мирослав относится ко мне неплохо, как и ко всем, держится ровно, как и со всеми, и мне никогда не приходило в голову, чтобы мы с ним...

Потому что если живешь с одним, то... ага, про это я уже говорила. В общем, Мирослав – хороший человек и приличный начальник, иногда мне даже кажется, что мы с ним друзья. Во всяком случае, когда мы едем куда-то вместе (по работе, разумеется), то разговариваем на отвлеченные темы, и мне это нравится. Надеюсь, что ему со мной тоже интересно.

И вот Игореша вдруг ни с того ни с сего устроил такую безобразную сцену! Он орал, что я сплю с начальником, перечислял, куда мы с ним ездили на выходные и в отпуск, и утверждал, что мы совершенно обнагтели и закрываемся в его кабинете в обеденный перерыв. Вот уж это чистое вранье, тем более у нас в фирме нет никакого обеденного перерыва, сотрудники бегают в кафе на углу по очереди, так что в офисе всегда кто-нибудь есть. Нет, подумала я, у Игореша точно крыша едет. Так, это без меня, кончилось мое терпение.

Итак, я хотела быстренько собрать вещи и молча удалиться, потому что если уж точно у нас с ним все, то для чего тогда ругаться, только силы зря тратить.

Но не получилось у меня просто так уйти. Этот... ну вы понимаете кто, вырвал у меня из рук платье, бросил его на пол и растоптал ногами. Совершенно новое платье, в прошлом месяце только купила! И кто бы на моем месте не озверел?

В общем, дальше даже вспоминать противно, кажется, мы разодрались. Ну куда мне было справиться со здоровым мужиком? Забыла сказать, Игореша ростом метр восемьдесят, а весит девяносто кило. Или даже больше. Так что драться с ним – себе дороже обойдется.

Я всегда трезво оцениваю свои возможности, поэтому отступила, чтобы он не вздумал портить остальную одежду. У меня ее не так много. А он вытряхнул все то, что я успела положить в чемодан, оторвал у него замки...

В общем, я успела проскочить в прихожую и спасти пальто и сапоги. Хорошо, что в сумке был паспорт и пропуск на работу, а также кошелек и кое-какая косметика.

Игореша выскочил за мной и орал, чтобы я выметалась немедленно из его дома, что он видеть меня не желает, и отобрал ключи, которые я неосмотрительно оставила на полочке в прихожей.

В общем, я подхватила сумку и дала деру, потому что оставаться с ним в одной квартире было чревато, похоже, мой гражданский муж и правда сошел с ума.

Выйдя из дома, я сунулась в кошелек и обнаружила, что в нем совершенно нет наличности, ста рублей не наберется. И у ближайшего банкомата я поняла, что эта сволочь Игореша заблокировал мои карточки. Карточки были мои, я сама вносила на них деньги, так что он сделал это чисто из вредности. Господи, мы жили вместе почти два года, и я не поняла, какая же он скотина!

Потом я позвонила Инке, она как всегда выручила меня и передала ключи от квартиры своей не то тетki, не то троюродной сестры, когда ехала в аэропорт. Ну а потом... про это вы уже знаете.

Я тяжело вздохнула и повернулась на неудобной кровати. Теперь, когда кошмар с трупом в шкафу остался позади и мне удалось уйти из той квартирki без потерь, не считая истрепанных нервов, я обрела способность логически рассуждать. И, вспоминая, с чего все началось, глубоко задумалась.

Вот с чего это Игорешу так разобрало? Ведь должна же быть какая-то причина для такого его поведения.

Ну не мог никто с моей работы так художественно ему все наврать! А сам он вряд ли такое придумал бы, Игореша – человек без воображения, уж это я точно знаю, за два года его изучила.

Привиделось спяну? Но опять-таки, я хорошо его изучила и не раз видела выпившим. И точно знаю, что, когда Игореша сильно переберет, он становится тихим и сонным, ему все до лампочки, лишь бы улечься где-нибудь в уголке и поспать. А тут такое учинил, стало быть, не сильно был пьян.

И вот теперь я вспоминаю, что Игореша себя все время накручивал, подгонял, чтобы скандал получился громкий. Для чего? Я ему надоела и он хотел выгнать меня из дома? Так сказал бы прямо, я и пошла бы себе. Квартира – его, мы не женаты, детей, слава богу, нет, так какие проблемы? Не стала бы я за него цепляться, еще не хватало! Честно говоря, небольшая радость мой Игореша. Теперь уж точно не мой, что-то, а это я твердо знаю. Сто лет бы его не видеть, но как бы выцарапать свои вещи... Хотя не удивлюсь, если этот урод все изрезал и изорвал. Нет, по нему точно психушка плачет!

На этой мысли я неожиданно заснула, просто отключилась, и все, как в омут провалилась.

Сто семьдесят пять, сто семьдесят шесть, сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь... еще четыреста тридцать шагов – и она дойдет до школы...

Греша старалась не смотреть налево, туда, где был дом старой Нелле. Можно смотреть на нарядный дом булочника Ван Даллена, в окнах которого выставлены румяные крендели и забавные пряничные человечки, можно смотреть на скучную аптеку господина Мюллера, но мимо дома старухи Нелле она старалась пройти как можно быстрее, опустив глаза в землю.

Сто семьдесят девять, сто восемьдесят, сто восемьдесят один, сто восемьдесят два...

Папочка сказал, что она достаточно взрослая, что она может одна ходить в школу. Греша хочет доказать папочке, что он прав, что она взрослая, но этот дом, мимо которого ей приходится проходить, внушает ей безотчетный страх. Да, собственно, не сам дом, а окно, закрытое тюлевой занавеской.

Потому что эта занавеска едва заметно шевелится, когда Греша проходит мимо, и девочке мерещится за этой занавеской лицо страшной старухи...

Дети в их городке рассказывают друг другу страшные истории про этот дом и его обительницу. Понизив голос почти до шепота, они говорят о маленьком Виллеме ван Мильхе, который из любопытства зашел в этот дом, и больше никто никогда его не видел. И о дочке мукомола Аньет Герст, которая только заговорила со старой Нелле и тут же лишилась дара речи. С тех пор Аньет только мычит и объясняется жестами, которые почти никто не понимает...

Сто восемьдесят три, сто восемьдесят четыре, сто восемьдесят пять...

Краем глаза Греша заметила слева какое-то движение и не выдержала, взглянула туда.

Занавеска на окне шевельнулась и приподнялась. За этой занавеской Греша увидела чудесную золотую карусель.

По кругу бежали красивые маленькие лошадки и собаки, крошечные человечки и олени с развесистыми рогами, зайцы и незнакомые девочке удивительные существа.

Карусель звала, манила Грешу.

А там, позади карусели, она заметила темный выпуклый глаз и прячущееся в тени лицо...

Девочка собрала все свои силы, отвернулась от окна и сделала еще один шаг.

Сто восемьдесят шесть...

Но это оказалось сильнее ее.

Она снова взглянула на окно, и золотое сияние наполнило ее душу.

А за каруселью Греша увидела старую Нелле. Старуха смотрела на нее и манила желтым скрюченным пальцем...

Сто восемьдесят семь...

Нет, она не могла устоять.

Греша повернулась, огляделась по сторонам и поднялась на высокое крыльцо.

– Заходи, милая! – раздался из глубины комнаты негромкий голос, скрипучий, как дверца буфета у них в доме. – Заходи, золотко. Ты смелая девочка.

В комнате было почти совсем темно. После яркого дневного света Греша вначале практически ничего не видела – только удивительную золотую карусель, которая светила в полутьме чудесным волшебным сиянием. Но потом глаза ее понемногу привыкли, и она разглядела массивный черный шкаф, который занимал едва не половину комнаты, и круглый стол, накрытый плюшевой скатертью в красивых узорах, и резную шкатулку на этом столе.

А перед столом она увидела глубокое кресло с резной деревянной спинкой, и в этом кресле – маленькую худую старушку, похожую на ручную обезьянку, которую Греша видела на ярмарке, куда отец возил ее прошлым летом.

Старую Нелле.

Старушка держала в руке трубку с длинным резным чубуком, от которой исходил сладковатый ароматный дым. Старушка глядела на Грешу и улыбалась. Она вовсе не была такой страшной, как говорили другие дети на их улице.

– Ты не только храбрая девочка, ты еще и красивая.

Греша удивленно взглянула на старуху.

До сих пор никто не называл ее красивой. Мало кому нравились ее выпуклые темные глаза, ее густые курчавые волосы. У тех девочек, которых называли красивыми, глаза были голубыми, а волосы – светлыми, золотистыми. Только папочке она нравилась – тем, что она была похожа на него.

– Да, ты красивая, – повторила старая Нелле. – А после того, как я сделаю тебе подарок, ты станешь еще красивее. Ты станешь красива, как маленькая принцесса.

– Подарок? – переспросила Греша. – Я люблю подарки... я очень люблю подарки...

Старуха поднесла к губам длинный узорчатый чубук, затаилась, выпустила облачко ароматного голубоватого дыма, которое разошлось, заполнило всю комнату, как утренний туман. Золотистые, текущие, искрящиеся отсветы волшебной карусели растворились в этом облаке, поплыли по комнате, и маленькая Греша с удивлением поняла, что плывет среди них.

Темная комната куда-то подевалась, скрылась в голубом дыму, а девочка плыла теперь по далекому южному морю на грязном, закопченном корабле... а потом она увидела удивительные деревья и цветы и полуразрушенный храм, обвитый цветущими лианами, храм, стены которого покрыты статуями незнакомых танцующих богов, удивительных существ со многими руками, существ с головами диких, экзотических животных...

А потом она увидела на расколотых плитах храма танцующих девушек, гибких, как лианы, и смуглых, как южный закат, и в одной из этих девушек узнала саму себя...

А потом раздался мелодичный звон – и все эти удивительные картины растаяли, и Греша снова стояла посреди полутемной комнаты, а перед ней сидела в кресле маленькая старушка – старая Нелле, о которой рассказывали столько страшных историй.

Зря рассказывали – в ней не было ничего страшного. Наоборот, она показалась девочке доброй.

– Что это было? – спросила Греша, с трудом сбрасывая с себя сонное оцепенение.

– Что это было? – переспросила старуха. – Тебе лучше знать. Ведь это тебе карусель показала волшебные картины! Ведь это ты плыла среди них!

– Вы говорили о подарке! – напомнила ей девочка. – Вы обещали мне подарок...

– Ах да! Подарок! Хорошо, что ты мне напомнила... – Старая Нелле открыла шкатулку, что стояла перед ней на столе, и стала перебирать ее содержимое.

– Это не то... – бормотала она. – Это не для нее... это тоже не годится... а вот это – в самый раз! – И она достала из шкатулки небольшой черепаховый гребень.

Это был простенький, недорогой гребень, украшенный разноцветными стекляшками, поддельными самоцветами – синим, красным и зеленым, простенький гребешок из тех безделушек, какими торгуют уличные разносчики.

Но Греше гребешок очень понравился, глаза ее заблестели, она потянулась к старухе.

– Подарок! – пролепетала она, зачарованно глядя на красивую безделушку.

– Подарок, – кивнула старая Нелле, – я же тебе обещала. Только запомни, девочка: этот подарок нужно беречь как зеницу ока. Пока он будет у тебя – с тобой не случится ничего дурного! Мужчины будут плясать под твою дудку...

– Дудку? – удивленно переспросила Греша. – Какую дудку?

Она вспомнила музыкантов на храмовом празднике. У одного из них действительно была дудка, которая испускала резкие и визгливые звуки. В этом не было ничего хорошего.

– Это так говорят, – усмехнулась старуха. – И еще говорят – не все то золото, что блестит. Но бывает и наоборот. Бывает, что подлинное сокровище не выдает себя ярким блеском.

Старуха пристально взглянула на Грешу и продолжила, таинственно понизив голос:

– Настоящая красота не видна сразу. Этот гребешок кажется простым, но ему нет цены. Ты кажешься скромной девочкой, дочкой шляпника, но на самом деле ты принцесса из далекой удивительной страны. Потому ты и не похожа на своих школьных подружек. Но только никому, никому об этом не рассказывай! Это тайна, большая тайна! – Старуха поднесла желтый от табака палец к губам и, покачив головой, добавила: – А сейчас, малышка, тебе пора в школу...

Греша хотела что-то возразить, хотела что-то спросить, но вдруг старая Нелле и ее полутемная комната куда-то подевались, и девочка обнаружила себя посреди улицы, на полпути от дома до школы. Она удивленно захлопала глазами: что это было? Привиделось ли ей, или она взаправду побывала в доме старухи, о которой рассказывают столько страшных историй?

Тут Греша почувствовала, что сжимает что-то в руке. Она осторожно разжала кулачок и увидела гребешок, черепаховый гребешок, украшенный тремя цветными камушками или тремя ограненными стеклышками.

Так что, выходит, это на самом деле было? Она пересилила страх, решила войти в дом старой Нелле, в дом старой ведьмы, о которой рассказывают такие страшные истории? И ведьма не сделала ей ничего плохого, наоборот, она подарила ей этот чудесный гребешок и открыла ей удивительную тайну. Рассказала, что она принцесса из далекой страны...

А ведь Греша всегда это подозревала!

Греша спрятала гребешок в карман передника и прибавила шаг – наверняка она уже опаздывает в школу, и учитель будет на нее сердиться.

Греша и правда опоздала на урок, и учитель, минхеер ван Гуттен, очень на нее рассердился. Он назвал Грешу легкомысленной и пустой девчонкой и велел ей остаться после уроков, что не предвещало ничего хорошего.

На первом уроке девочки занимались французским языком. Пока учитель писал на доске французские глаголы, Греша шепотом рассказала своей соседке по парте Марте ван Брюен, что опоздала потому, что побывала в доме старой Нелле.

– Ты была в доме ведьмы? – прошептала Марта, округлив глаза от восторга и страха. – Врешь!

– Честное слово! – Греша незаметно перекрестилась. – Погляди, что она мне подарила! Она показала под партой гребешок. Разноцветные стеклышки брызнули искрами света.

– Подумаешь! – разочарованно протянула Марта. – Такой можно купить на ярмарке за гроши! Старуха не только уродлива, как ведьма, она еще и скупа!

– Подлинная красота не видна сразу! – повторила Греша слова старухи.

Ей было обидно, что Марта не оценила подарок, и тогда она выложила главный козырь:

– А еще она сказала, что я принцесса из далекой удивительной страны.

– Врешь! – фыркнула Марта. – Твой папочка никакой не король, он торгует шляпами, это все знают!

Греша покраснела и отвернулась.

Старая Нелле говорила, что нельзя никому открывать свою тайну, зря она не послушалась ее...

Когда уроки закончились, Греша хотела тихонько улизнуть домой, надеясь, что учитель забыл о ее прегрешении. Однако минхеер ван Гуттен перехватил ее возле двери, схватил за ухо жесткими холодными пальцами и прошипел:

– Куда это вы направляетесь, барышня? Вы забыли, что вас ждет наказание?

Греша тяжело вздохнула и села за парту.

– Я скоро приду, а вы, барышня, пока прочтите Псалтырь от сих до сих!

Учитель ушел, чтобы приготовить все к завтрашнему дню, а Греша раскрыла псалтырь и задумалась.

Ей снова вспомнилась полутемная комната старой Нелле, чудесная золотая карусель и удивительные слова старой женщины. Девочка достала из кармана гребешок, расчесала им густые выющиеся волосы. Волосы затрещали, кожу под ними словно закололи тонкими острыми иголочками.

Тут как раз вернулся учитель.

Греша гадала, какое наказание ее ждет – бывало, он бил девочек линейкой по рукам, иногда ставил на колени на рассыпанный горох – все зависело от его настроения.

Однако минхеер ван Гуттен, войдя в классную комнату, вдруг застыл на пороге и прикрыл глаза, словно от яркого света. Затем он широко открыл их, подошел к Греше и заговорил каким-то незнакомым, задышающимся голосом:

– Дитя мое, я думал, как наказать тебя за опоздание, но вдруг понял, что ты ни в чем не виновата. Для такой юной и прекрасной особы, как ты, жизнь полна всяческих соблазнов, перед которыми трудно устоять. Пожалуй, я не буду тебя наказывать. Я лишь попрошу тебя иногда задерживаться в школе, как сегодня, чтобы поговорить со мной... чтобы обсудить твое будущее...

Учитель взял девочку за руку и принялся гладить ее. При этом лицо его было удивленным и растерянным, словно он прислушивался к чему-то слышному только ему.

– Поговорить, господин учитель? – переспросила Греша, безуспешно попытавшись высвободить руку. – О чем вы хотели бы со мной поговорить?

Ей отчего-то вспомнилась вдруг сказка о Красной Шапочке и Сером Волке.

Учитель и вправду был похож на волка, нарядившегося безобидной старушкой. Он крепко держал ее руку и смотрел на девочку странным, словно голодным взглядом.

Вдруг Греше показалось, что она перенеслась в полутемную комнату старой Нелле. Классная комната наполнилась ароматным золотистым туманом, по нему заскользили искрящиеся, мерцающие, переменчивые фигуры, вот сейчас она снова увидит те волшебные картины, которые показала ей старуха, волшебные картины далеких стран и далекого времени...

И в это мгновение дверь классной комнаты распахнулась. Звук открывшейся двери разрушил волшебную, мерцающую тишину, сгустившуюся вокруг Грешы.

На пороге стояла ее мама. Лицо ее было взволнованно. Увидев Грешу, она облегченно вздохнула и воскликнула:

– Слава богу, ты здесь! Я забеспокоилась, когда ты не пришла в обычное время. Добрый день, минхеер учитель! Извините, что вошла без стука.

Учитель отпустил руку девочки и отстранился от нее. На лице его проступило смущение, будто его застали за чем-то неподобающим, за чем-то скверным.

– Я задержал вашу дочь, фрау Зелле, чтобы обсудить с нею ее успехи по основным предметам. Должен сказать вам, что у нее прекрасные способности к языкам. Она очень хорошо успевает по французскому и немецкому языкам, также по гимнастике. Прилежание у нее тоже в порядке...

Учитель шумно вздохнул и продолжил более сухим и сдержанным тоном:

– Однако если она хочет продолжить образование, следует уделять больше внимания математике, а также классической литературе и истории...

Проснулась я от скрипа двери. Спросонья не поняла, где я нахожусь, потом увидела тени от качающегося на улице фонаря и вспомнила, что ночью в отеле, который на самом деле обычный бордель.

Снова послышался скрип двери, потом крадущиеся шаги в коридоре. Кто-то старался идти неслышно, но явно торопился. На улице было тихо, потом подъехала машина и остановилась, судя по всему, прямо у двери этого, с позволения сказать, отеля.

Я встала и подошла к окну, в свете фонаря была хорошо видна дверь, из нее как раз выскочила Алиска. Ну да, ее курточка, ее узкие обтягивающие джинсы и светлые взбитые волосы. Ага, обокрала небось того мужика, а теперь удирает. Что ж, надо полагать, здесь это обычное дело.

Алиса подошла к машине, тотчас опустилось стекло, и высунулась рука. Алиса положила что-то в эту руку и спросила о чем-то, во всяком случае, я видела, как шевелились ее губы.

Рука убралась, но открылась задняя дверца машины, оттуда выскочил накачанный парень и мигом втянул Алису в салон. Она отбивалась, но у нее не было шансов, я услышала только сдавленный крик, который тут же прекратился, как будто Алиске заткнули рот, после чего машина газанула и скрылась за поворотом. И опять стало тихо, даже не слышно машин с проспекта.

Да, у них тут свои разборки. Я зевнула и снова улеглась на продавленную постель.

На этот раз проснулась я от шума дождя.

Открыв глаза, я долго пыталась понять, где нахожусь.

Однозначно, не дома. Узкая скрипучая кровать, низкий потолок в художественных разводах, дешевая мебель, пыльный графин и пара простых залапанных стаканов на столе... все это напоминало дешевый гостиничный номер. Ну да, это и есть дешевый гостиничный номер. В этот клоповник меня пустили ночью, содрали кучу денег, и за это я была благодарна, потому что...

И тут я разом вспомнила все: безобразную ссору с Игорешей, как я выскочила из его квартиры без вещей и позвонила Инке. Как Инка пожурила меня – она, дескать, меня предупреждала, а я не слушала. О чем, интересно, она предупреждала, наоборот, она советовала в свое время не решать все сплеча насчет Игореши, все же мы прожили с ним больше двух лет, а это по нынешним временам немало.

В общем, старшие подружки любят поучать младших. И я Инку послушала, а надо было послать Игорешу подальше... ну, что теперь говорить.

Инка дала мне ключи, и я вспомнила, как пришла в квартиру Инниной тетки, как нашла там труп, как сбежала из той квартиры и сняла на ночь номер в отвратительной гостинице.

Это было слишком ужасно, слишком отвратительно, чтобы быть правдой, но это именно и была правда. Слишком отчетливо я помнила труп, выпавший на меня из стенного шкафа... помнила его коротко стриженный затылок, плохо выбритую щеку...

Да, вот и еще одно доказательство реальности моих воспоминаний: бумажник, который лежит на прикроватной тумбочке. Бумажник, который я позаимствовала у того покойника. Бумажник, в котором я нашла свою собственную фотографию...

Эта деталь вчерашних событий была особенно непонятной и пугающей. Как я оказалась на той фотографии, рядом с совершенно незнакомым человеком?

Это было совершенно необъяснимо.

Не нужно ломать голову, внушила я себе, нужно отбросить этот факт, как будто его не существует, и держаться за что-то реальное, обычное, неизменное.

А что в моей жизни неизменно после ссоры с Игорешей?

Разве что работа.

Ну вот, отлично, значит, нужно идти на работу, может быть, там, среди знакомых людей и привычных дел, я смогу найти какое-то объяснение для необъяснимых событий и выход из безвыходной ситуации. Опять же, может, кто посоветует что-то насчет квартиры. В любом случае нужно отсюда выбираться как можно скорее.

Я встала, выглянула в окно.

За окном была отвратительная, хмурая погода, моросил мелкий дождь, обычный для этого времени в нашем городе.

Глядя в окно, я невольно вспомнила, как вчера вечером, точнее, уже глубокой ночью за этим окном стояла машина, которая увезла девуцу из соседнего шестого номера. Причем увезли против ее воли, она не хотела, орала даже, но ей заткнули рот.

Впрочем, мне до нее нет никакого дела, у меня своих неприятностей хватает.

Я отправилась в ванную – точнее, в совмещенный санузел, в крошечный закуток, где помещался разболтанный унитаз и душевая кабинка в ржавых потеках. Впрочем, я и такого не ожидала.

К счастью, вода в трубах была, и достаточно горячая, так что я, постояв несколько минут под душем, почувствовала себя гораздо лучше.

Я насухо растерлась гостиничным полотенцем, оделась (противно было надевать вчерашнее белье, но что делать) и вышла из номера, предварительно набросав кое-что на лицо.

За столом, что был тут вместо стойки, сидел вчерашний мрачный мужик в несвежей клетчатой рубашке, перед ним стоял крупный мужчина лет сорока, в приличном дорогом пальто в елочку. Честно скажу, если бы не пальто, я не узнала бы в нем того человека, которого накануне вечером привела сюда бойкая девушка.

Вчера он был вдрызг пьян, еле держался на ногах, сейчас вполне трезв, но переполнен яростью.

– Я ваш клоповник по кирпичику разнесу! – гремел он, нависнув над портье. – Вы меня надолго запомните!

Мужчина был небрит, и в глазах красные прожилки, щеки слегка обвисли, как у бульдога, но видно было, что настроен серьезно. Однако и тот тип за столом, видно, повидал всякого на своей работе, так что несколько не боялся.

– Мужик, не горячись... – уныло отбивался он. – Я не пойму, чего ты от меня-то хочешь?

– Меня в твоей так называемой гостинице обчистили! Ограбили! Ты тут явно в доле!

– Вот это ты зря, мужик! – Портье тоже начал закипать. – Я к вам в номер не заглядывал! Что там между вами происходило, меня не касается! Вы люди взрослые, можете делать что хотите! Я вам номер сдал, а что потом твоя подруга сделала – не мой вопрос!

– Она мне никакая не подруга! – перебил его ограбленный клиент. – Она наверняка постоянно в твоём клоповнике работает и тебе процент от добычи отстегивает! Ты ее знаешь и сейчас мне скажешь, как ее зовут, иначе...

– Все, мужик, ты мне надоел! – Портье поднялся из-за стола и угрожающе нагнул голову. – Вали отсюда, пока я тебе рыло не начистил! У меня с этим просто!

Ограбленный вдруг сбавил обороты, отступил на полшага от стойки и спросил гораздо более спокойным голосом:

– Тогда хотя бы дай мне телефон – позвонить. Она у меня и телефон украла.

– Телефон у меня разрядился, – проговорил портье издевательским тоном. – Разрядился, понятно?

Я не стала дослушивать этот, с позволения сказать, разговор, бросила ключ на стойку и вышла на улицу.

То есть вышла за дверь и остановилась на крыльце этой, с позволения сказать, гостиницы.

Пока я выходила из номера, дождь резко усилился и теперь хлестал как из ведра. Зонтика у меня не было, и, если я несколько минут пройду под таким дождем, промокну, как курица в аквапарке. Точно знаю, что Игореше в это время здорово икалось, поскольку я выругала его такими словами, которые стараюсь не произносить вслух.

Я встала на крыльце под бетонным козырьком, надеясь, что дождь хоть немного стихнет. Тут дверь гостиницы открылась, и вышел тот мужчина, который только что препирался с портье.

– Не дал телефон? – сочувственно спросила я.

Не знаю, кто меня потянул за язык, но во мне шевельнулось сочувствие к этому человеку. Наверно, оттого, что сама я была вчера ночью в таком же положении, только меня подставил собственный муж. Неофициальный и бывший.

– Скотина! – выдохнул мужчина с чувством и повернулся ко мне: – Может быть, вы меня выручите?

– Ну да, почему бы и нет... – Я полезла в сумку за телефоном. В конце концов, люди должны помогать друг другу. Я сама попала в ужасное положение и поэтому сочувствовала ему. Кроме того, когда этот мужчина не был пьян и не ругался, выглядел он очень прилично. Вблизи я разглядела, что пальто точно очень дорогое. И шарф, и ботинки не иначе как итальянские. Небедный мужик, это точно, вот интересно, как он в такую передрыгу попал?

Он благодарно улыбнулся мне, набрал номер и что-то быстро проговорил. Я не разобрала ни слова: он относился к тем счастливым, чей голос хорошо слышишь по телефону, но совсем не разбираешь, стоя рядом. Полезное свойство.

Переговорив, мужчина вернул мне телефон и вежливо поблагодарил.

– Не стоит, – ответила я. – Может, когда-то и вы меня выручите. Кстати, ее зовут Алиса. Вот кто меня снова потянул за язык? Зачем я ему это сказала?

Он не переспросил – видно, сразу понял, что я говорю о той девице, которая его обчистила. Зато в его взгляде что-то изменилось. Благодарность из него исчезла, а проявилось что-то противоположное.

Мне сразу стало как-то неуютно рядом с ним. Дождь как раз немного стих, и я хотела уже шагнуть с крыльца, но тут рядом с нами остановилась большая черная машина.

Дверцы этой машины распахнулись, из нее выскочили два подтянутых парня в одинаковых черных костюмах. Один из них раскрыл зонтик, шагнул к крыльцу и поднял зонт над моим собеседником. А тот вдруг кивнул на меня:

– Девушку посадите в машину.

– Что значит – посадите? – Я отшатнулась от обоих, шагнула в сторону, но парень в черном подхватил меня за локоть – вроде мягко, но очень сильно – и потащил к машине.

Я изо всех сил отбивалась, но это было все равно что бороться с бульдозером. Кричать я почему-то стеснялась, и вся сцена происходила в тишине, нарушаемой только моим пыхтением.

Парень втокнул меня на заднее сиденье машины, мужчина из отеля сел рядом. Дверцы захлопнулись, и машина сорвалась с места.

– Вы с ума сошли! – прошипела я, едва смогла отдышаться. – Отпустите меня сейчас же!

– Отпущу, как только ты расскажешь мне все, что знаешь!

– Да ничего я не знаю! Вот зачем я дала вам телефон? Зачем вообще заговорила? Говорят же, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным!

– Ты знаешь, как зовут ту девку, которая меня вчера подпоила и обчистила.

И тут до меня дошло.

Он подумал: раз я знаю имя той девицы, может, я вообще с ней знакома. Может, я сама такая же. Может, я причастна к темным делишкам, которые творятся в этом отеле. Вот почему у него так переменилось выражение лица. Смотрит на меня с презрением, как на мошку какую-то, «тыкать» начал.

Я вспыхнула и возмущенно проговорила:

– Да я это случайно услышала! Ее портье так назвал, когда она с вами пришла! Может, это вообще не настоящее ее имя! Я ее первый раз в жизни увидела! Да и то со спины!

– Все равно ты можешь что-то вспомнить. Это очень важно. От этого зависит многое. Я тебе ничего плохого не сделаю. Вспомнишь что-нибудь – и я тебя отпущу.

Ага, так я и поверила. Ну надо же быть такой душой! Вот с чего это мне вздумалось помогать незнакомому человеку? Посочувствовала ему, видите ли, ограбили бедного, телефон отняли и все деньги! Ну, он меня за это и отблагодарил. Господи, учат меня, учат, а все без толку.

Мужчина смотрел на меня пронзительно.

– Слушай, если что знаешь – лучше сразу скажи, – прошипел он, – а то ведь у меня есть способы все из тебя вытрясти. Все скажешь, как миленькая.

Ага, если такой крутой, то что же позволил этой дешевке Алиске себя облапошить, подумала я, но вслух сказать не решилась. Очевидно, что эта мысль отразилась у меня на лице, потому что мой сосед сжал зубы, так что на скулах заходили желваки. Глаза его сверкнули, он схватил меня за руку и рявкнул:

– Ну?

И тут я действительно кое-что вспомнила – вспомнила, как подошла ночью к окну и как увидела эту Алису на улице. Вспомнила, как она подошла к машине и как ее в эту машину втокнули, точно как меня сегодня.

Этот тип больно сжал мою руку, так что я вскрикнула и поняла, что он может и сломать, до того сейчас зол. И хоть я прекрасно понимала, что рассказывать ничего ему нельзя, будет только хуже, но выдавила из себя несколько слов про то, что видела ночью.

– И они ее увезли, – закончила я, – а больше я ничего не знаю, так что отпустите меня, пожалуйста.

Но ничего подобного не случилось.

Он, конечно, очень заинтересовался и вцепился в меня, как клещами. Требовал, чтобы я описала ему машину, назвала ее номер...

– Ну, уж это слишком! Я и вообще цифры плохо запоминаю, а тут еще ночь, погода отвратная...

– А ты постарайся вспомнить! Лучше вспомни!

Руку мою он отпустил, но смотрел так, что я впала в панику.

– Да не могу! Я и так вспомнила все, что могла! Даже больше! Выпустите меня! – заорала я, увидев, что машина остановилась на перекрестке. Но что толку? Стекла в машине были тонированные, никто меня не увидел.

Естественно, этот неблагодарный тип и не подумал меня отпустить. Вместо этого что-то тихо сказал водителю.

Машина свернула в глухой переулок, подъехала к металлической решетке, ограждавшей участок с садом, остановилась перед воротами. Ворота медленно открылись, машина въехала внутрь.

За оградой, посреди голого осеннего сада, стоял аккуратный двухэтажный особняк. Машина подъехала к его крыльцу и остановилась – на этот раз окончательно. Я внезапно ослабела, потому что поняла, что дела мои плохи. Здесь, за воротами, они что угодно со мной сделают, никто не узнает.

Мужчина, сидевший рядом со мной, выбрался из машины и протянул мне руку:

– Выходи! Или так и будешь здесь сидеть?

Мне не хотелось играть по его правилам, не хотелось безропотно подчиняться, хотелось хоть раз в жизни проявить характер, и в первый момент я думала остаться в машине, но потом представила, как его парни выволокут меня силой, так что пришлось выйти, но я не стала его касаться.

Мы поднялись на крыльцо, вошли в дом, оказавшись в просторном холле, поднялись на второй этаж.

Теперь меня никто не тащил, никто не принуждал, мужчина шел вперед, не оглядываясь – и мне ничего не оставалось, как послушно следовать за ним. Впрочем, мне было даже любопытно, чем все это завершится. Раз не тащат сразу в подвал, стало быть, пытаться, хотя бы пока, не будут.

Мой спутник провел меня в большую красивую комнату, а сам ушел, предварительно забрав мою сумку и выдав мне только косметичку, и то по моей просьбе.

Я огляделась.

Это была уютная комната вроде богатой гостиной: белый кожаный диван, два кресла, кофейный столик, стеллажи с книгами, на полу – пушистый светло-зеленый ковер. Ничего так живет этот мужик, впрочем, я об этом догадывалась.

Я села в одно из кресел и приготовилась к ожиданию.

Тут дверь открылась, и вошла женщина средних лет в скромном сером платье.

– Могу я предложить вам чай, кофе или еще что-нибудь? – спросила она.

– Вот только не надо играть в гостеприимство! – фыркнула я. – Я к вам не в гости пришла, меня привели сюда силой!

Но тетя, как автомат, повторила ту же самую фразу:

– Могу я предложить вам чай, кофе или...

Тут я вспомнила, что с утра ничего не ела, и решила, что хотя бы чашка кофе мне не помешает. Надеюсь, они не подмешают в него какую-нибудь отраву.

Тетя молча кивнула и удалилась.

Вернулась она очень скоро, на этот раз с подносом, на котором стояла чашка тонкого фарфора, дымящийся кофейник и вазочка с песочным печеньем.

Кофе оказался очень ароматным, а печенье просто таяло во рту, так что я незаметно опустошила вазочку. После кофе я заново накрашила губы и причесалась. Вид в зеркале был так себе – ну еще бы, после таких приключений, но кофе, несомненно, помог обрести бодрость.

Тут дверь снова открылась, и появился мой знакомый – тот самый ограбленный мужик. Теперь он был без пальто и костюм успел поменять. И даже, как я заметила, побрился. Я с тоской вспомнила, что у меня даже нет смены чистого белья. И взять пока неоткуда. И вообще, сейчас не об этом нужно беспокоиться.

Опустившись рядом со мной в свободное кресло, мужчина заговорил:

– Ну как, больше ничего не вспомнила?

– Да ничего я больше не помню! – проговорила я раздраженно. – Вы что, человеческого языка не понимаете? Все, что помнила, я вам уже рассказала!

«И видит бог, как я об этом жалею», – добавила я про себя.

– Жаль! – Он покачал головой. – Я надеялся, что ты вспомнишь что-то без посторонней помощи. Но, наверное, все же придется немного тебе помочь...

– Это вы о чем? – испугалась я. – Вы что, собираетесь пытками выбивать из меня воспоминания?

Мне уже привиделись стальные щипцы, крючья и прочие средневековые инструменты для ведения допроса, которые до сих пор мне приходилось видеть только в кино.

– Да что ты! – Он явно всерьез обиделся. – За кого ты меня принимаешь? К тому же это так хлопотно – пытки...

– А за кого я должна вас принимать? Схватили меня силой, привезли неизвестно куда... я даже не знаю, как вас зовут!

– Ну да, правда, это мое упущение. Ну, ты пойми – я был расстроен, раздражен... Алексей.

– Алексей... а дальше? Впрочем, не хотите говорить – не надо. А я Маша, Мария Хорькова.

Тут я вспомнила, что эти типы перетрясли мою сумку и, уж наверное, видели паспорт.

– Так что вы имели в виду, когда сказали, что хотите помочь мне что-то вспомнить?

– У меня есть знакомый, специалист по памяти. Он уже приехал и сейчас придет...

Действительно, как будто все это было отрепетировано, сразу после этих слов дверь открылась, и в комнату вошел невысокий плотный мужчина лет пятидесяти, в хорошем сером костюме, с чересчур, на мой взгляд, длинными, черными с проседью волосами и выпуклыми, выразительными темными глазами.

Он поздоровался со мной, кивнул хозяину и сел напротив меня.

– Итак, вы хотите что-то вспомнить... – проговорил он густым низким голосом.

– Это он хочет, чтобы я что-то вспомнила! – огрызнулась я.

– Ну, не будем цепляться к деталям... – промурлыкал доктор – а мне сразу захотелось называть его доктором, несмотря на отсутствие белого халата.

– Вы знаете, который час? – спросил он и вынул из жилетного кармашка серебряные часы на цепочке.

Я хотела взглянуть на свои собственные часы, но почему-то мой взгляд потянулся к этим карманным часам. А доктор раскачивал их на цепочке, так что я никак не могла сосредоточиться и разглядеть, сколько же сейчас времени.

Часы качались, и мои глаза следили за ними, а доктор говорил своим вязким гипнотическим голосом:

– Ваше тело наливается свинцом... ваши руки и ноги становятся тяжелыми... ваши глаза слипаются...

Я хотела сказать, что не куплюсь на эти дешевые фокусы, что не поддамся гипнозу, но вдруг комната, в которой мы находились, наполнилась пульсирующим золотистым туманом, по которому побежали искрящиеся, переменчивые картинки, как в детском калейдоскопе, а потом эта комната вообще исчезла, и я оказалась в другом месте и в другом времени.

Это был магазин, и какой-то странный магазин.

Тем не менее я уже была когда-то в этом магазине.

Передо мной в деревянном ящике валялись какие-то безделушки: колечки и цепочки, цветные камешки и фигурки из глины, разноцветного стекла, из дерева и металла, маленькие раскрашенные статуэтки, дешевые украшения.

Рядом с этим ящиком, на полке, стояли бесчисленные подсвечники – медные, оловянные и бронзовые.

Тут же громоздился старинный граммофон с огромной трубой, расписанной выцветшими розами, возле него – пожарная каска, переделанная в цветочный горшок, и вешалка для шляп и шапок, сделанная из лосиных рогов.

Ну да, это был антикварный магазин, но не один из тех роскошных салонов, которые расплодились в центре нашего города в середине девяностых годов и где лохотронные пожилые господа торгуют мебелью красного дерева и карельской березы и поддельными картинами передвижников.

Нет, в этом магазине торговали всякой дешевой третьесортной ерундой, которую можно купить только сдуру или по приколу.

Я протянула руку и взяла один из подсвечников...

И вдруг осознала, что видела этот подсвечник, держала его в руках, ощущала этот металлический холодок, эту гладкую поверхность... когда и где?

Воспоминание шевелилось в моей голове, но никак не могло оформиться, принять законченный вид.

И тут сквозь окружающую меня действительность – или сквозь иллюзию действительности – пробился низкий, властный, гипнотический голос:

– Не здесь... не то... вспомни другое время и другое место... другое время и другое место...

И я послушно перенеслась в ночную гостиницу.

Снова, как той ночью, я стояла перед окном, придерживая рукой плотную занавеску, и смотрела на ночную улицу.

По этой улице пробежала, испуганно оглядываясь, какая-то девица, показавшаяся мне знакомой, – ну да, это она стояла возле стойки портье, поддерживая пьяного мужчину... ну да, портье знал ее, он назвал ее Алисой...

Алиса снова огляделась по сторонам, перешла на шаг, приблизилась к стоящей у тротуара машине.

Боковое стекло машины опустилось, Алиса наклонилась, что-то вполголоса проговорила, потом что-то передала и хотела уже отойти, но тут дверца машины распахнулась, и ее втащили внутрь...

Ну да, я уже видела все это, всю эту сцену. Ничего нового... ничего интересного...

И снова в моей голове зазвучал властный, завораживающий голос гипнотизера:

– Смотри, смотри внимательнее!

И я вгляделась в ночную улицу, вгляделась в темную машину, которая как раз в это время отъехала от тротуара.

Перед моим взглядом промелькнула табличка с номером.

Я напрягла зрение, вгляделась и смогла разглядеть этот номер, прочитать его.

«АХА 764».

– Хорошо, очень хорошо! – прозвучал знакомый голос. – Когда я скажу: «Пять», ты проснешься! Раз, два, три, четыре, пять!

Ночная улица растворилась в сгустившейся темноте, ушла в небытие, в прошлое.

Я пришла в себя и оказалась в знакомой уже комнате.

Напротив меня сидел человек с длинными, черными, тронутыми сединой волосами и темными выпуклыми глазами – тот человек, чей властный голос провел меня по лабиринту памяти, заставил вспомнить то, что я считала забытым.

Чуть в стороне стоял Алексей – хозяин этого особняка, шеф и повелитель всех работающих здесь людей.

У меня мелькнула мысль: если он такой крутой, такой богатый и влиятельный, как его угораздило связаться с той девкой, с Алисой? Она явно не его уровня. И как его занесло в низкопробный отель, в котором мы столкнулись?

Впрочем, это не мое дело. У каждого свои проблемы, мне бы с собственными разбраться...

– Ну, теперь вы довольны? – спросила я, повернувшись к Алексею. – Теперь вы меня отпустите?

– Да-да... – Он ответил утвердительно, но мне показалось, что он меня не слушал, он был погружен в собственные мысли, а может быть, чего-то ждал.

– Так я могу идти? – Я встала и шагнула к двери.

– Нет, подождите еще немного.

– Чего еще?

Вдруг у него в кармане зазвонил телефон.

Алексей торопливо поднес трубку к уху – видно, этого звонка он и ждал, послушал недолго, сказал несколько слов и, спрятав телефон, взглянул на меня:

– Сейчас мы с вами кое-куда съездим, а уж потом вы будете свободны, и я отвезу вас куда скажете.

– Съездим? – переспросила я. – Куда еще? Об этом не было разговора! Я вспомнила номер машины! Чего еще вам нужно? Я все равно больше ничего не помню!

– Я попросил своего знакомого пробить тот номер, который вы вспомнили. Только что он мне перезвонил...

– Так быстро? Хорошие у вас знакомые! Примите мои поздравления. Но я-то при чем?

– Эта машина оказалась в угоне, но ее уже нашли – ее просто бросили на улице, в глухом безлюдном месте. Я хочу... я прошу вас, чтобы вы на нее взглянули.

– Зачем? Какая от меня польза? Я видела ее мельком, всего несколько секунд!

– Но все же я прошу вас со мной съездить.

Он сказал «прошу», но в голосе была такая твердость, что это прозвучало как приказ. Да и что я могла поделать? Тут он распоряжался всем и всеми... его вежливость, его показная мягкость ничуть меня не обманывали – я чувствовала за ними волю и твердость, может быть, даже жестокость.

– Но потом-то вы меня отпустите?

– Конечно, отпущу. Зачем мне вас задерживать?

– Вот уж не знаю! До сих пор вы меня не отпустили.

– Ладно, поехали!

Он направился к двери, вышел из комнаты, и ноги сами понесли меня за ним.

Мы прошли тем же путем, каким пришли в эту комнату, вышли на крыльцо особняка. Там нас уже ждала машина (не та, на которой мы приехали, но очень похожая на нее), а в машине – водитель и еще один человек, видимо охранник. Водитель и охранник тоже были другие и тоже похожие на прежних.

Мы, как и прежде, сели на заднее сиденье, ворота открылись, и машина выехала со двора.

Голова моя была занята безрадостными мыслями, поэтому я не следила за дорогой.

Прошло примерно полчаса. Мы оказались на пустыре рядом с железнодорожными путями. Посреди этого пустыря стояла синяя машина, возле которой толклись несколько человек.

Наш водитель подъехал к синей машине и остановился. От группы отошел один человек, подошел к нашей машине, наклонился к окну и проговорил:

– Шеф, мы ничего не трогали, ждали вас.

Алексей коротко кивнул, вылез из машины, сделал мне знак следовать за ним.

Мы приблизились к синей машине. Алексей взглянул на меня:

– Та машина?

Я пожала плечами:

– Похожа. Но я видела ее мельком. Номер-то совпадает. Это все, чего вы от меня хотели?

– Не совсем.

Алексей переглянулся с тем человеком, который подходил к его машине. Тот подошел к багажнику, открыл его, отступил в сторону. Алексей в свою очередь заглянул в багажник, тоже отступил и повернулся ко мне:

– Посмотрите.

Я шагнула вперед, взглянула... и земля чуть не ушла у меня из-под ног.

В багажнике, свернувшись в позе эмбриона, лежала женщина.

Мертвая женщина.

Меня замутило, я отступила в сторону, несколько раз глубоко вдохнула. Сырой холодный воздух помог справиться с дурнотой. Да и вообще, что я, трупов не видела? Только накануне провела много времени с покойником, выпавшим из шкафа!

Справившись с собой, я взглянула на Алексея. Зачем он привез меня сюда, зачем заставил меня смотреть на этот труп? Хотел меня припугнуть, хотел показать, что меня ждет?

А он, встретившись со мной взглядом, спросил:

– Это она?

– Кто? – в первый момент до меня не дошел смысл вопроса.

– Та... та девица из отеля. Алиса. Это она?

И снова я не могла его понять. О чем он меня спрашивает? Точнее, почему он спрашивает *меня*? Он что, сам не помнит, с кем был вчера в отеле?

И тут я прочитала в его взгляде смущение и растерянность. И поняла, что он ее действительно не помнит.

Что – был до такой степени пьян?

Но по его виду не скажешь, что он алкоголик. Как не скажешь, что он может отправиться с девицей вроде Алисы в такую низкопробную гостиницу, где я с ним столкнулась.

Тут неуверенность и смущение, которое я заметила в его взгляде, исчезли, он снова посмотрел на меня твердо и властно и повторил свой вопрос:

– Это она?

Первый раз мне было так худо, что я не рассмотрела труп. Теперь я немного успокоилась. Да и вообще, мне не привыкать, трупом больше, трупом меньше...

Я снова подошла к машине, заглянула в багажник. Со второго раза это было легче.

Короткая синяя курточка, узкие джинсы... точно, та девица была так одета. Но одежда – это еще не все...

Я наклонилась ближе, чтобы разглядеть ее.

Растрепанные светлые волосы, начавшие темнеть у корней – пора уже краситься, мелькнула несвоевременная мысль. Кроваво-красный рот размазан, так что покойница была похожа на напившегося крови вампира из дешевого фильма ужасов.

Она, Алиса...

Однако я продолжала внимательно разглядывать ее, словно на этот раз была не в силах оторваться от этого ужасного и завораживающего зрелища.

На шее я заметила тонкую багровую полосу.

Все ясно, ее задушили.

Благодаря многочисленным криминальным сериалам и книжкам в глянцевого обложке я даже знала, как называется эта полоска – странгуляционная борозда.

Мертвые руки крепко сцеплены на животе, красные ногти обломаны – видно, она пыталась сопротивляться. На одной руке было видно что-то красное...

Я протянула свою руку, осторожно дотронулась... и тут же испуганно отдернула руку, почувствовав на пальцах кровь... наверняка это не ее кровь, это кровь убийцы...

И тут я снова вспомнила ту сцену, которую видела ночью из окна гостиницы.

Алиса подошла к темной машине, наклонилась к окну, что-то протянула...

Навстречу ей из машины высунулась мужская рука.

Я увидела эту руку ясно и отчетливо, как будто снова перенеслась в ту ночь.

И снова я дотронулась до мертвой, холодной руки, как будто она притягивала меня. Пальцы были сжаты неплотно, между ними что-то блеснуло. Я осторожно потянула блестящий предмет и сжала в собственном кулаке.

– Ну, что? – раздался у меня за спиной нетерпеливый голос Алексея. – Это она?

Я выпрямилась, отступила на шаг от машины, сжимая правую руку в кулак, и уверенно проговорила:

– Она, однозначно она.

– Понятно... – Алексей посмотрел в сторону, потер пальцами переносицу.

И тут я снова заговорила:

– Я сейчас еще кое-что вспомнила.

Не знаю, кто опять потянул меня за язык, но обратного пути уже не было. Алексей вскинул на меня взгляд, как будто навел два ствола охотничьей двустволки:

– Что?!

– Когда она... когда Алиса подошла к этой машине, человек из машины протянул руку. Я вспомнила эту руку. Тяжелая, широкая, квадратная рука и на среднем пальце перстень.

– Перстень? – Алексей явно заинтересовался, глаза его вспыхнули. – Какой перстень?

– Ну, какой... большой мужской перстень с печаткой... кажется, на ней выгравирован паук...

– Расскажи как можно подробнее! Все, что помнишь, каждую деталь! Это может быть важно!

– Ну, я и так все рассказала...

Я увидела знакомый блеск в его глазах и усмехнулась:

– Только не надо больше гипноза!

– Хорошо, обойдемся без гипноза. Заедем еще раз в офис, и ты нарисуешь этот перстень.

– Ну вот, вы же обещали, что это все...

– Ну, я очень прошу! Это последняя просьба!

– Ладно, так и быть...

Все равно день уже потерян, да и вообще, мне не хотелось оставаться один на один со своими собственными проблемами.

Мы опять сели в машину, опять приехали в тот же особняк, пришли в знакомую комнату. Алексей кому-то мигнул, и мне принесли чистый блокнот и фломастеры.

Я постаралась вспомнить мужскую руку и перстень и нарисовала, как могла.

Особенно тщательно я изобразила квадратную печатку, на ней – паука и паутину.

– Вот, все, больше я точно ничего не помню! Кстати, вы не забыли вернуть мне мои вещи?

– Ну да! – Алексей снова мигнул, и чернявый парень принес мне мобильный телефон и бумажник.

Тот самый бумажник, который я позаимствовала у мертвеца. О чем, разумеется, никому не собиралась рассказывать.

– А сумка? – прищурилась я. – Про сумку забыл? Или к рукам прилипла?

– Да никому твое барахло не нужно! – окрылся парень и бросил передо мной сумку. – Дешевка!

Тут я всерьез обиделась, сумка была не то чтобы супер, но вполне приличная, известной фирмы, Инка меня уговорила купить в дорогом магазине, даже денег одолжила. На сумки-то скидки редко бывают, это вам не босоножки.

– Если в модных брендах не разбираешься, то лучше помолчи! – огрызнулась я.

Тут чернявый хмыкнул, и до меня дошло, что он имел в виду вовсе не сумку. И тогда я разозлилась по-настоящему. Вот что я им всем сделала, скажите на милость? За что они меня так?

Вчера Игореша обзывал такими словами, которых я и вовсе не заслужила. И он, кстати, прекрасно об этом знал. Сегодня этот чернявый, он-то какое право имеет так говорить? Он вообще про меня ничего не знает. Совсем ничего.

От злости я перестала бояться. Клянусь, если бы мы остались с этим чернявым один на один, я бы тут же набросилась на него. И кстати, неизвестно, кто вышел бы победителем, во всяком случае, морду я ему здорово бы попортила, уж это точно. Но если я сейчас полезу драться, этот тип, который корчит из себя крутого, крикнет своих подручных, и мне мало не покажется.

Я откинулась на спинку стула и в упор поглядела на них.

– Однако... – протянула я.

Чернявый тип ничего не понял, но Алексей был далеко не дурак, поэтому он пристально поглядел мне в глаза и прочитал в них все, что я думаю.

А думала я о том, что, может, я, по их мнению, и дешевка, но все же не такая, как Алиска. А хозяин их на нее внимание обратил. Значит, не больно он крут, если такая, как Алиска, его вокруг пальца обвела. Так что нечего теперь...

– Болтаешь много! – рявкнул Алексей. – Свободен!

Чернявого как ветром сдуло. Отчего-то мне подумалось, что больше он в охране у Алексея работать не будет. Понизят его в должности, непременно понизят. Будет где-нибудь за мониторами следить или при входе шлагбаумом заведовать. Что ж, поделом ему, и правда лишнего много болтает.

Тут ведь как: нужно всегда нос по ветру держать и чувствовать, что можно говорить, а чего – нельзя. А лучше вообще помалкивать, пока тебя не спросили.

Тут я вспомнила, где сейчас находится Алиса, и как-то мне стало неприятно. И если Алексей в ее смерти не виноват (а я это знаю точно), то это ничего не значит. Все равно у него какие-то дела опасные. Ведь ясно же, что Алиску убили, чтобы она не вывела Алексея на тех людей, которым отдала то, что у него сперла.

Тут я, конечно, вовремя подсуетилась, но ведь он и так бы рано или поздно про Алиску узнал. Возможности у него большие. Мужика в том, с позволения сказать, отеле заставил бы говорить, тот, конечно, Алиску покрывать не стал бы. Но с моей помощью все у него получилось гораздо быстрее.

И никакой благодарности.

Тут я опомнилась и сообразила, что мы с Алексеем сидим уже минут пять и молчим.

Ага, ему-то небось спешить некуда, он озадачил своих подручных поисками того типа с перстнем и ждет теперь результатов. А у меня полдня пропало, и хоть Мирослав – начальник хороший, терпеливый, все же он прогулы и опоздания не приветствует. А я его даже не предупредила.

– Я могу наконец идти? – процедила я сквозь зубы.

– Да иди, пожалуйста, – мирно сказал Алексей, – и куда ты так торопишься?

– На работу! – против воли брякнула я. – Ко всем неприятностям не хватало еще, чтобы с работы уволили!

– У тебя же работа ночная, – хмыкнул он.

– Слушай! – Я решила тоже перейти на «ты», раз уж он себе это позволяет. – Тебе, разумеется, неинтересно, но еще раз говорю – в гостинице той я оказалась случайно, ночевать мне было негде, так обстоятельства сложились. И тебя с Алисой случайно увидела, и машину ночью тоже случайно разглядела. И честно тебе скажу, очень жалею, что об этом рассказала.

Вы не поверите, но он понял намек. Ничего, конечно, мне не сказал, но я по глазам видела, что дошло до него, что со мной он поступает по-свински.

Ну, дойти-то дошло, но это вовсе не значит, что он тут же рассыплется в благодарностях и вручит мне ценный подарок, уж такого я точно не ждала. Им, крутым, на нас, обычных людей, плевать с высокой вышки.

– И что же у тебя за обстоятельства такие особенные? – спросил он, причем я сразу поняла, что ответ в духе «не твое собачье дело» его не устроит.

– Поругались мы с... ну вроде как мужем я его считала... он меня и выгнал, – буркнула я.

– С этим, что ли? – Алексей указывал на фотографию, что была в моей сумке, там меня обнимал тот самый загадочный покойник, которого я нашла в квартире.

Из-за него я попала в ту, с позволения сказать, подозрительную гостиницу и встрети-лась там с этим крутым Алексеем. Я даже вспомнила, как звали покойника – Павел Мамонов. Артист такой есть, только тот, кажется, Петр.

Ну, неважно. А важно, что на меня, наверно, напало временное помешательство, потому что, кроме денег и своей фотки, я прихватила зачем-то и бумажник покойника.

Ну, взяла бы денег сколько-то, а бумажник обтерла от отпечатков и бросила там же.

Впрочем, ничего удивительного, что я плохо соображала, странно, что вообще с катушек не сошла там от страха.

И разумеется, Алексей бумажник тоже заметил.

– Это его? – Он повертел бумажник в руках и увидел водительские права.

– А ты как думаешь? – скривилась я. – Он у меня все карточки заблокировал, наличных нету, так я хоть что-то унесла. Некогда было разбираться. И вообще я не понимаю, с чего это тебе так про меня интересно знать?

– Совсем неинтересно. – Он пожал плечами. – Только... если тебе деньги нужны, то я дам сколько надо...

– Обойдусь! – Я сделала над собой усилие и сказала это спокойно, хотя хотелось рывкнуть.

Но не удержалась и добавила:

– Ты уж меня с Алиской не путай... – И с удовлетворением услышала, как он скрипнул зубами.

– Скажи там моим ребятам, куда надо – отвезут! – бросил Алексей мне в спину.

– Сама доберусь! – не поворачиваясь, сказала я. Еще не хватало, чтобы они узнали, где я работаю.

Греша вошла в комнату отца.

Отец сидел в потертом кресле с высокой спинкой, на коленях у него лежала раскрытая газета. Как почти всегда в последний год, он был пьян и слезлив.

– Принцесса, посиди со мной! – проговорил он, протянув руки к дочери. – Посиди со мной, как бывало! Твой папочка любит тебя! Ты моя принцесса!

– Хороша принцесса, которой не во что одеться! Если ты меня и правда любишь, дай мне два гульдена на новую шляпку! Моя старая вконец истрепалась!

– Принцесса, – отец отвел глаза, – у меня нет ни гроша... ты же знаешь, твой глупый папочка разорился...

Отец всхлипнул, уронил газету и задремал.

Греша подняла газету, чтобы положить ее на стол, рядом с отцовской щекой.

Взгляд ее случайно упал на последнюю страницу с частными объявлениями.

«Капитан Мак Леод, достойный мужчина в расцвете сил, офицер колониальных войск на службе Голландской Ост-Индской компании, ищет порядочную девушку, которая составила бы ему достойную партию и согласилась бы отправиться с ним на острова Индонезии, к месту его службы».

Греша вспомнила детство.

Вспомнила комнату старой Нелле, вспомнила золотую карусель, рассыпавшую по стенам сверкающие, искрящиеся отблески. Вспомнила удивительные, фантастические картины, которые предстали тогда перед ее глазами.

Отцовская комната куда-то подевалась, Греша плыла теперь по далекому южному морю на корабле... потом она увидела удивительные, незнакомые деревья и цветы и обвитый цветущими лианами полуразрушенный храм, стены которого покрыты статуями танцующих богов, удивительных существ со многими руками, существ с головами диких животных...

Может быть, старуха не обманула ее? Может быть, это ее судьба смотрит на нее с газетной страницы?

Она еще раз перечитала объявление. Достойный мужчина в расцвете сил...

Греша нашла в конце объявления адрес капитана Мак Леода и села писать письмо.

Я вышла из маршрутки на остановку раньше, забежала в торговый центр и купила там пару дешевых трусиков и колготки. А еще съела в кафетерии сэндвич с ветчиной и сыром и выпила большую чашку кофе с молоком, чтобы восстановить силы, которые мне еще очень понадобятся.

Во время еды настиг меня звонок мобильного. Неужели на работе спохватились? Однако звонил Игореша. И чего ему сейчас-то от меня надо? Вот уж с кем мне разговаривать совершенно не хотелось! И я сбросила вызов.

После еды я тщательно накрасила губы и решила появиться перед начальством. Оказалось, зря старалась, Мирослав с утра уехал в командировку.

Я кое-как отбилась от расспросов девчонок и уселась за свой стол поразмыслить. Нужно было срочно прикинуть, что сделать в первую очередь, а что можно отложить на потом.

Не помню, говорила я или нет, что, прежде чем начать какое-нибудь дело, я всегда составляю подробный план. Обычно это помогает, хоть и не всегда.

Мобильник снова зазвонил.

Опять Игореша, да что ему нужно-то? Тут я сообразила прочесть эсэмэски, их было шесть штук, и все от моего бывшего. «Где ты?», «Что с тобой?», «Как ты?», «Где ты находишься?», «Я виноват!» и даже «Вернись, я все прошу!».

Нет, у него точно крыша съехала набекрень. Я подумала, что хорошо бы занести номер Игореша в черный список и забыть о нем навсегда. Как говорится, вычеркнуть его из своей жизни. Но решила пока подождать. С Игорешей разберемся позднее, сейчас же у меня есть более насущные задачи. Мне нужно где-то ночевать.

Очень осторожно я завела разговор насчет квартиры. Коллектив у нас хороший, все мы, в общем-то, работающие, но когда начальства нет, сами понимаете, производительность труда падает. Пришлось кое-что рассказать про Игорешу, офисные дамы приняли мои слова близко к сердцу, и оказалось, что у бухгалтера Софьи Леонидовны как раз сосед сдает квартиру.

Дороговато, конечно, зато дом новый, хороший, и в квартире очень приличный ремонт сделан. Но въехать можно только в ближайшие выходные, поскольку сосед в будни работает и прийти никак не может.

– Соглашайся, Мария, – советовала Софья Леонидовна, – от метро близко, соседи все приличные, в доме чистота и порядок. И мы все будем довольны: ты девушка аккуратная, а то он еще пустит какую-нибудь развеселую бабенку, будут мужики ходить, компании разные... нет, ты нам подходишь.

И хоть жить на одной площадке с Софьей – это все равно что постоянно находиться в рентгеновском аппарате, выбора у меня не было, и Софья позвонила соседу. Договорились на субботу.

А до этого мне предстояло перекантоваться где-то две ночи. Вот где очень пригодилась бы Инка, у нее-то точно нашлось бы для меня местечко, у нее квартира двухкомнатная, и живет она в ней одна, сама себе хозяйка. Но Инка сейчас на семинаре в Турции и вернется только через две недели, к тому времени я свои проблемы решу. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Что ж, пора уже перестать прятать голову в песок (или под крыло, как там эти страусы делают) и сказать самой себе честно: нужно идти ночевать к бабке.

Вот так вот, сказала – и сразу мне легче стало, только непонятно отчего.

Только не подумайте, что бабка – это моя родная бабушка, нет, родную бабушку я почти не помню, она умерла рано. Мы жили вдвоем с мамой, потому что с моим отцом они развелись очень давно, мне было три года.

Отец уехал в Москву, он и был оттуда родом, у него там родственники, которых я, да и мама тоже, в глаза не видела никогда. Так что отца я тоже почти не помню, потому что он связи с нами не поддерживал.

Нет, алименты приходили регулярно, раз в месяц, деньги, как мама говорила, вполне приличные, потому что отец там, в Москве, занимал какой-то пост в министерстве или еще где-то. Но видиться с дочерью он не хотел. И если вы думаете, что я очень по этому поводу переживала, то глубоко ошибаетесь.

Как можно скучать по тому, кого совершенно не помнишь? В общем, мы вполне себе неплохо жили вдвоем с мамой. А потом она вышла замуж. Мне в ту пору было двенадцать лет, но никаких подростковых вывертов у меня не было.

И опять-таки, все было хорошо, никаких неприятностей отчим мне не устраивал, вел себя вполне прилично. Любви особой между нами не было, это точно, но сами посудите, с чего это я буду бросаться на шею человеку, который женился на моей матери?

Это только в кино показывают, как большой и сильный мужчина полюбил женщину с детьми и стал им родным отцом. Такое кино, вообще-то, даже бабка не смотрит.

Короче, мы с отчимом старались друг другу жизнь особенно не портить, опять же, мама всегда была начеку, так что мы жили все вместе ровно одиннадцать лет, а потом мама умерла. Все случилось так быстро, она даже не жаловалась и к врачу пошла поздно, когда сама уже заметила опухоль в груди. Пока тянули в поликлинике, пока ждали очереди на операцию...

Хотя потом врач мне сказал, что случай очень запущенный, что надежды почти нет. А мама сразу сдалась. Оказалось, ее мать, моя бабушка, тоже умерла рано от этого же самого. И мама, зная про это, не удосужилась лишний раз пойти и провериться... Врач очень ругалась тогда.

В общем, я даже толком не успела осознать, что происходит, как мама умерла. Я как раз полгода назад получила диплом и занималась поисками работы, которые пришлось прекратить из-за болезни мамы.

Не могу сказать, что общее горе сблизило нас с отчимом. Он держался довольно спокойно, и я очень скоро поняла почему. А пока разбирала мамины вещи и нашла у нее номер счета незнакомого банка. Деньги были очень нужны, мы здорово потратились на больницу и похороны.

Я сунулась было к отчиму, но он заявил, что живет на зарплату и деньгами в доме завела моя мать. А если там, в коробочке, денег нет, то он понятия не имеет, откуда их взять. А кормить меня просто так он не собирается хотя бы потому, что ему и самому денег не хватает. Он не олигарх, работает инженером, взятки не берет (никто не дает) и не ворует (в том НИИ взять нечего).

Мама работала в фирме по производству кухонь, принимала заказы. Ясно, что денег там тоже было негусто. Однако жили мы неплохо, не то чтобы шикавали, но все же я покупала себе одежду не на рынке, а в приличных магазинах, и отдыхать мы с ней ездили на море раз в год уж точно. И подрабатывала я в институте так, по мелочи, на карманные расходы.

Вспомнив все это и подсчитав траты, я поняла, что где-то должны быть деньги. И отправилась в тот самый банк.

Объяснила в нескольких словах ситуацию, и девушка, поглядев на мой паспорт, сказала, что ждать полгода не нужно, потому что мама оставила письменное распоряжение, чтобы мне выдали деньги после ее смерти. Однако оказалось, что денег на счете всего восемь тысяч с копейками.

Девушка посмотрела распечатку и сказала, что уже несколько месяцев деньги на счет не поступают, а раньше поступала раз в три месяца вполне приличная сумма. Которую мама снимала со счета всю, ничего не откладывала.

На мой вопрос, откуда же поступали на этот счет деньги, девушка нахмурилась, потом позвонила куда-то по телефону, поговорила тихонько и пригласила меня к начальнику отдела в кабинет. А тот, поглядев опять-таки на мой паспорт и мамино свидетельство о смерти, сказал, что у него есть для меня письмо от адвоката. Дескать, так проще, чтобы мне к тому адвокату самой не ходить.

Письмо я прочитала тут же. В нем говорилось, что в силу договоренности с моей матерью и Хорьковым Владимиром Владимировичем деньги на счет перестают поступать такого-то числа такого-то года, поскольку Хорькова М. В. получила диплом и теперь сможет зарабатывать на себя сама.

До меня тогда все доходило с трудом, и хозяин кабинета любезно объяснил мне, что это довольно распространенная практика. Дескать, алименты по закону полагается платить ребенку до совершеннолетия, но господин Хорьков пошел навстречу и дал согласие обеспечивать меня до окончания института.

Что ж, все правильно, непонятно только, почему мама не сказала мне об этом раньше. Короче, мне выдали эти самые восемь тысяч с копейками и закрыли счет.

Дома меня поджидал сюрприз в виде невысокой такой приземистой тетеньки самого скромного вида. Тетеньку звали Василиса, и отчим представил ее как свою сослуживицу. Я изумленно подняла брови: что еще за сослуживица вечером пришла в гости? Но наткнулась на очень твердый взгляд отчима, надо же, я даже не знала, что он умеет так смотреть.

Раньше глянет мельком да сразу глаза в сторону отводит. Не потому, что виноватым себя чувствует, просто я ему неинтересна. А я не обижалась, сама его внимательно не разглядывала, мне ни к чему.

Они скрылись в его комнате, даже чай там пили, меня не позвали. Не то чтобы мне очень хотелось распивать чай с незнакомой тетей, однако как-то это...

Ночевать она не осталась, и на том спасибо. Но зачастила. Я-то дома не сидела, бегала по всяким делам и искала работу. Вроде бы и вакансии были, но все не то. То мне совсем не подходит, то посмотрит на меня кадровичка и скривится, как будто лимон съела.

Короче, прихожу я злая, голодная, а на кухне эта Василиса толчется. В мамином переднике ужин готовит. Я пару раз на нее рявкнула, она молчит. Потом взяли меня временно в одну фирму, там сотрудница в декрет ушла, но обещала через полгода вернуться. С непривычки уставала так на работе – как приду, так с ног валюсь. И как-то утром выходит Василиса из комнаты отчима в халате. Хорошо хоть, не мамин надела. Вот тут я разоралась. Он выскочил в трусах и в ответ меня обозвал дармоедкой, дескать, поил-кормил одиннадцать лет и все такое прочее.

Я тоже в долгу не осталась, это я-то, говорю, дармоедка? Да ты сам на наши с матерью деньги жил, ничего в квартиру не принес, метра жилья не заработал, пришел на готовенькое!

Тут, ору, все наше! А вот и нет, злорадно так отчим отвечает, насчет квартиры ты, детка, не права, поскольку мать твоя оставила свою долю квартиры мне. Все по закону.

Так и оказалось, когда я документы прочитала. И зачем мама это сделала? А затем, отчим отвечает, чтобы ты меня из квартиры на улицу не выгнала. Вот интересно, говорю, а где ты раньше жил? Под мостом? Такое впечатление, что с неба нам на голову свалился: ни квартиры, ни работы приличной, ни денег, вещей один чемодан, так и то тебе мама все новое купила, я помню.

Отчим отвечает, что это не мое дело, он все предыдущей семье оставил. Так что в этой квартире мы равноправные хозяева, и он кого хочет, того и приводит, меня спрашивать не обязан. Я тогда обозвала его скотиной бесчувственной – полгода только прошло с маминой смерти, а он уже бабу привел.

В общем, мы перестали разговаривать, а Василиса все ходила. Потом как-то вызвала меня на разговор. Отчима дома не было, она мне крепкого чаю налила, пирожков положила. Вообще-то тетка она домовитая, аккуратная, спокойная, непонятно, что только в отчине нашла. Потому что он-то козел козлом, не подумайте, что я по злобе говорю, просто понаблюдала за ним внимательно и сделала выводы. Но Василисе он, видно, до зарезу понадобился.

Скажу, говорит, все тебе прямо. Мне, говорит, тоже неприятно к мужчине бегать тайком, возраст уже не тот, давно определяться пора. Вот год пройдет со смерти матери твоей, и мы с ним официально поженимся. Хочешь ты того или не хочешь, а так все и будет. Это жизнь, и ничего ты тут поделывать не можешь. Пора, говорит, принять это как данность и не ругаться попусту, нервы не трепать ни ему, ни себе. У тебя своя жизнь, а у нас своя.

Я тогда не стерпела, только, говорю, ваша жизнь почему-то у меня в квартире. Поселили бы его у себя, и все довольны.

Да я бы с радостью, вздохнула тогда Василиса, не отреагировав на мой хамский тон, только он не хочет. Привык тут жить, и до работы ему близко. Опять же, у меня площадь есть, и большая, но это комната в коммуналке. Ты погоди, говорит она, увидев, как я нахмурилась, ты до конца дослушай.

Комната большая, двадцать пять метров, всего в квартире их две, вторая еще больше. И коридор, и кухня – все большое. Дом хороший, в центре, на Екатерининском канале, только окна не на набережную выходят, а во двор. Все квартиры давно расселенные, живут приличные люди, в подъезде хороший ремонт сделан.

Давно бы и эту квартиру расселили, но риелторы только облизываются, поскольку во второй комнате живет престарелая бабуся, которая ни за что не хочет переезжать. Здесь, дескать, родилась, здесь и умру, и точка.

Старушенция интеллигентная, бывшая балерина, и совсем не в маразме, просто упряма, как мул. Но с другой стороны, бабке прилично за восемьдесят, так что сколько она еще протянет? Риелторы не отступились, не сдались, просто решили подождать. Тем более что бабуля одинокая и комнату свою завещала племяннику, который однозначно сказал, что как только вступит в права наследства, так сразу будет эту комнату продавать.

Выпив две чашки чая и съев с голодухи штук пять Василисиных пирожков, я как-то постеснялась хамить и выслушала все внимательно. И даже посмотрела документы на ту квартиру.

Потом сходила к знакомому риелтору, он по своим каналам проверил ту квартиру и сказал, что там все в порядке, никакого подвоха, квартира ничем не обременена, и потом, при расселении, однушка мне обеспечена, да не у черта на куличках, а в приличном районе возле метро. А если поторговаться как следует, то и двушку можно получить. А если мы с отчимом будем делить квартиру, где жили мы с мамой, то мне и на однушку не хватит.

В общем, я долго обдумывала варианты (я уже говорила, что, прежде чем начать какое-то дело, я обычно составляю план, хотя бы прикидываю все за и против) и решила, что нужно

соглашаться. Лучше в коммуналке со старухой, чем каждый день на кухне с Василисой сталкиваться. Хотя если честно, то тетка она не скандальная, на мои выпады не отвечала, все больше отмалчивалась.

Познакомилась я с будущей соседкой. Старуху звали Маргаритой Романовной, лет ей, по ее словам, было семьдесят девять, но Василиса шепнула мне, что такая цифра называется уже лет десять. Что ж, это порадовало.

Однако держалась бабуся молодцом. Худенькая, с прямой спиной, всегда сильно накрашенная, сзади и не скажешь, что возраст солидный. Тем более что походка у нее легкая, семенил неслышно по коридору мелкими шажками.

Квартира и правда поражала своими размерами, что там комнаты, там ванна была больше нашей с мамой кухни!

Разумеется, везде запустение, ремонта, наверно, лет пятьдесят не было, но все же относительно чисто. У соседки в комнате мебель была старинная, уж не знаю, ценная или нет, а все стены завешаны фотографиями в резных рамочках. На этих фотографиях была Маргарита Романовна в молодости в самых экзотических видах. Она и правда танцевала, только не классические танцы, а что-то более интересное, восточное, что ли.

Еще были какие-то мужчины, тоже в разных костюмах, уж потом бабуля рассказывала мне, что это ее возлюбленные и мужья, причем все время путалась в показаниях: то этот – первый и самый любимый, то вон тот... вообще-то, я не очень прислушивалась.

В общем, мы оформили все документы, я забрала из своей комнаты диван и письменный стол, прихватила мамины вещи и кое-какую посуду, после чего уехала из дома на такси, наскоро попрощавшись с соседями по подъезду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.